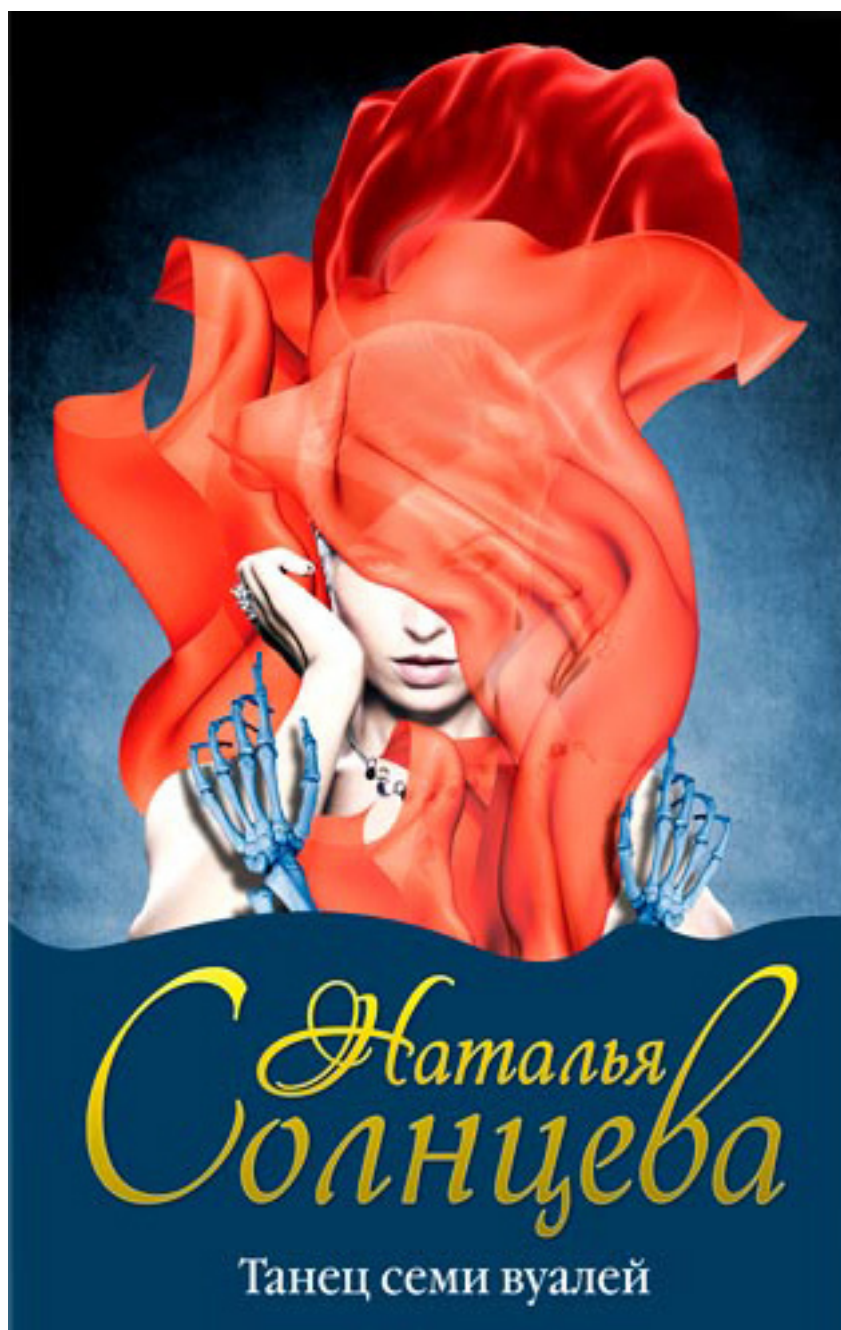

Глория и другие

Наталья Солнцева
Танец семи вуалей

«АСТ»

2012

Солнцева Н.

Танец семи вуалей / Н. Солнцева — «АСТ»,
2012 — (Глория и другие)

ISBN 978-5-271-40461-0

Модный московский психоаналитик Юрий Павлович Оленин богат и избалован вниманием женщин. Одна беда – ему не везет с ассистентками. Одна убита, другая бесследно пропала. У Симы, очередной помощницы Оленина, есть причины заволноваться. По Москве ползут слухи о докторе-убийце. Олег Карташин, влюбленный в Симу, пытается предупредить ее об опасности, но равнодушная к доктору девушка не желает верить фактам и обращается за помощью к Глории. Та пытается разобраться в запутанном деле. В ходе расследования становится ясно, что современные события мистическим образом связаны с судьбой удивительной женщины – танцовщицы Иды Рубинштейн и графа Оленина, ее обезумевшего от страсти поклонника. Но что общего у доктора Оленина и несчастного графа? И почему тень Саломеи незримо витает над таинственным домом в старинном переулке? В книгу вошел также отрывок из следующего романа «В храме Солнца деревья золотые» из серии «Золото».

ISBN 978-5-271-40461-0

© Солнцева Н., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Солнцева

Танец семи вуалей

От автора

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша
Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Глава 1

Я не могу себе представить красоты, не связанной с несчастьем.
(Шарль Бодлер)

Поздним вечером старые улицы и переулки Москвы погружаются в таинственную мглу. Офисы закрываются, одинокие прохожие торопятся домой, все затихает, замирает в преддверии ночи...

Ночь – время любви и смерти. Время воспоминаний и молитв. Время призраков...

Тук-тук, тук-тук – стучат каблочки женских сапожек по асфальту. В воздухе пахнет весенней сыростью и лопнувшими почками. По пустынному тротуару, облитая лунным светом, шагает молодая девушка – стройная, длинноногая, длинноволосая. Разглядывает темные особнячки, кованые заборы, черные деревья. Дышит...

Она любит гулять по этим улицам и переулкам именно в полнолуние. Когда желтый глаз ночного светила не дремлет и на его магический свет выходят из зазеркалья тени прошлого. Может, ей повезет, и она увидит тень Мастера и его Маргариты... или мимо бесшумно скользнет «воронок» Берии...

Она читала, что Берия был большой сластолюбец, поэтому молодой и красивой девушке лучше не попадаться ему на глаза. Иначе ее схватят, посадят в машину и... поминай как звали...

Тук-тук... тук... тук...

Девушка остановилась. Через дорогу ей наперерез перебежал черный кот. Не сверкнув двумя зелеными глазами, она бы кота не заметила. Плохая примета? Или наоборот... начинаются чудеса?

Тук... тук... тук... – Девушка робко двинулась дальше. Одинокий фонарь... длинный деревянный забор... за ним – дом с пустыми окнами. Возле дома застыли строительные леса. Слышно, как позванивает водосточная труба, шумит ветер в подворотне.

Девушка замедляет шаг. Навстречу ей кто-то идет. Беззвучно ступает по мостовой. Это женщина... совсем молодая, в длинной юбке и мягких башмаках. Вот почему не слышно ее шагов. Она в чепце, из-под которого свисают по плечам длинные пряди. Полная луна гладит ее по волосам, расстилает перед ней голубую дорожку...

Незнакомка поравнялась с девушкой и протянула к ней белые, как снег, руки. Ее глаза закрыты... на шее... что же у нее на шее?

Девушка невольно вглядывается. Вокруг шеи незнакомки обмотана... веревка? Миг – и незнакомка с веревкой на шее исчезла.

– Показалось... – прошептала девушка. – Привиделось...

Она постояла, успокаиваясь и переводя дух. Страх сковал ее тело, заставил сердце бешено стучать. Что это там... впереди? Неужели опять жуткий призрак?

Белая юбка мелькнула и скрылась за углом. Девушка все еще стояла в нерешительности. Идти или не идти? Стоять тоже страшно...

Она повернулась и торопливо зашагала в другую сторону. Прочь от гиблого места. Тук-тук-тук-тук... Ее собственный топот пугал ее, эхом отражаясь от каменных стен. Тук-тук-тук... Казалось, сзади кто-то крадется, преследует, настигает...

Девушка боялась оглянуться, она почти бежала. Каблук попал в ямку, нога подвернулась. Кто-то протянул ей руку... белую, как снег, с синеватыми ногтями...

Девушка хотела закричать, но голос пропал. Незнакомка с веревкой на шее была совсем рядом... от нее веяло могильным холодом. Мертвые уста слиплись, оборку чепца шевелил ветер...

Девушка с криком отпрянула и побежала. Каблук сломался, и она не могла бежать быстро. Сзади раздавались чьи-то шаги. Все громче, ближе... Неужели за ней гонится призрак?

– А-а-аааа-аааа-а!..

Ее вопль прервался, горло свело, она пыталась вдохнуть и не могла. Тело отяжелело, колени подогнулись. Гортань хрустнула, в глазах вспыхнули тысячи искр и погасли...

Москва. Два года спустя

Роман Лавров, начальник охраны компании «Зебрович и партнеры», был на ножах с новым боссом. Колбин докучал ему мелкими придирками и загружал разного рода поручениями, порой бесполезными. Открытой конфронтации босс предпочитал закулисные интриги, прикрывая свое недовольство сладкой улыбочкой и приторной вежливостью.

Иногда Колбин не выдерживал, срывался и показывал истинное отношение к начальнику охраны. Конфликт касался вдовы погибшего компаньона Колбина, Анатолия Зебровича. Раньше компанией управлял Зебрович, а Колбин был при нем рабочей лошадкой. Безынициативный по сути, зато прекрасный исполнитель, он отлично играл вторую скрипку. Теперь, когда бразды правления волею судьбы достались ему, роль идейного вдохновителя взяла на себя вдова патрона – Глория.

Именно эта странная женщина и стала яблоком раздора между Колбиным и Лавровым. Каждый имел на нее виды и каждый по-своему пытался добиться ее расположения. Лавров, как более молодой и привлекательный мужчина, ужасно раздражал Колбина. Обстоятельства сложились так, что начальник охраны сумел войти в доверие к вдове, и та взяла его под свое покровительство. У них возникли какие-то общие интересы, и Лавров вовсю использовал это преимущество. Тогда как ухаживания Колбина выглядели нарочитыми, неуклюжими и почти всегда приводили к какому-нибудь конфузу.

Тот факт, что вдова получила в наследство от покойного мужа половину акций компании, делало ее достаточно независимой и вынуждало Колбина считаться с ее мнением. Уволить начальника охраны без согласия вдовы он не мог и только точил на Лаврова зубы, мечтая о поводе избавиться от соперника. Но повод никак не подворачивался.

Лавров, в свою очередь, недолюбливал нового босса. Колбин вставлял ему палки в колеса и не упускал случая сделать замечание или выговор. Сильно притеснять начальника охраны он не осмеливался, так как Лавров имел на него компромат весьма щекотливого свойства. Однажды он застал Колбина за отправлением обряда каббалы¹, и с тех пор они заключили договор: Лавров молчит в обмен на лояльность босса. Колбин дорожил своей репутацией и побаивался начальника охраны, делая тому пакости исподтишка. Лавров терпел. Его терпение было обусловлено нежными чувствами к вдове, которая приблизила его к себе настолько, что он надеялся стать ее любовником.

Колбин это понимал и предпринимал попытки если не посорить парочку, то хотя бы внести охлаждение в их слишком, на его взгляд, тесные взаимоотношения. Он терялся в догадках, на какой почве Глория сошлась с Лавровым, и приходил к тривиальному выводу: дама осталась без мужчины и соскучилась по сексу.

Такой вариант являлся для него нежелательным. И он из кожи вон лез, чтобы обратить внимание вдовы на себя. Благо Глория вдруг решила уехать из Москвы – бросила городскую квартиру и купила дом в Подмосковье, в ужасной дыре с названием Черный Лог. Туда надо было пилить добрых два часа, причем часть пути приходилась на проселочные дороги в ухабах и рытвинах. Деревушка затерялась в лесу, там даже не брала мобильная связь. А

¹ Каббала – тайное средневековое мистическое учение.

Глория наотрез отказалась от спутникового телефона, хотя средства позволяли, и Колбин не раз предлагал ей установить телефон за свой счет.

Зато теперь Лавров не имел возможности любезничать с Глорией по сотовому и навещать ее когда заблагорассудится. Правда, Колбин тоже вырывался в Черный Лог от случая к случаю, но такое положение вещей было ему на руку. Соперничать с Лавровым в Москве представлялось ему куда более затруднительным, нежели в Черном Логе. Там, на отшибе, в деревенской глуши, Глория угомонится, страсти поутихнут, и восторжествует рассудок. Она поймет наконец, что время романтических вздохов и любовных приключений прошло, – пора остепениться и выбрать достойного претендента на руку и сердце. Плейбой хорош в постели, но не годится для размеренной семейной жизни. Он станет транжирить деньги жены, пить и ухлестывать за молоденькими телками. А Глории, как ни крути, уже далеко не семнадцать.

Колбин здраво оценивал свои шансы. В свои тридцать с хвостиком он выглядел на десять лет старше, а узкие плечи, отвисший живот и лысина на макушке составляли разительный контраст с подтянутым, спортивным Лавровым. Однако Глория уже была замужем за красавчиком, и это не сделало ее счастливой. Колбин надеялся, что она не повторит ошибки.

Женившись на вдове, он станет вдвое богаче, а она приобретет спокойного, предсказуемого спутника жизни, который будет о ней заботиться. По крайней мере из-за Колбина она не попадет в неприятности, как из-за бывшего мужа. Ее не похитят озверевшие молодчики, которые что-то не поделили с покойным Зебровичем, и ее жизнь не будет подвергаться опасности².

После того похищения Глорию будто подменили. Наверное, пережитый ужас заставил ее покинуть столицу и искать убежища в медвежьем углу. Ее можно понять. Страх делает людей замкнутыми и чужаковатыми. Они уединяются и чувствуют себя защищенными только вдали от всего, что напоминает им о случившемся.

Колбин предлагал Глории поселиться в коттеджном поселке с охраной и мало-мальски развитым обслуживанием. Но та уперлась. Только Черный Лог! В единственном на всю деревню приличном доме умер хозяин, и Глория решила приобрести эти сомнительные хоромы. Станный это оказался дом. Когда Колбин впервые его увидел, ему стало не по себе. Вроде бы обычный двухэтажный коттедж из красного кирпича, но отчего-то Колбина пробрала жуть, когда он вошел внутрь. На миг ему показалось, что массивная дверная ручка в виде головы льва оскалилась, пытаясь укусить его. Глупо, конечно. Однако в следующий раз он попросил слугу открыть ему дверь. Великан удивленно покосился на гостя, но повиновался.

Дом стоял на отшибе, окруженный брошенными заколоченными халупами. Что случись – никого не дозовешься, ни до кого не докричишься. В доме, по слухам, жил деревенский колдун – жуткий урод. Местные крестьяне боялись его как огня и обходили дом сороковой дорогой. Как Глория рискнула купить это мрачное логово уму непостижимо...

Мало того, она оставила при себе слугу умершего хозяина – подозрительного типа, настоящего громилу, который, вероятно, гвозди забивает кулаками и гнет подковы, как Илья Муромец. От одного взгляда этого слуги у Колбина мурашки начинали бегать по коже. И не страшно Глории жить с ним под одной крышей? Все-таки она с придурью...

Седой великан по имени Санта наводил на Колбина суеверный ужас. Однако тот явно терпеть не мог Лаврова, что в какой-то степени примирило Колбина со слугой. Они оба были против начальника охраны. Это их объединяло.

² Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

Седой как лунь Санта, тем не менее, выглядел моложавым и крепким. Интересно, у него есть женщина? Или он как-то обходится без секса? Не может же у него с Глорией завязаться интрижка? Колбин гнал от себя крамольные мысли, которые нет-нет и посещали его в свободное от бизнеса время. Спутаться с собственным слугой... это дурной тон. Но Глория способна на что угодно. Чего стоит только ее переселение в Черный Лог! Так почему бы ей не воспылать страстью к великану Санте? Это хотя бы забавно. А чем забавляться в забытой богом деревушке?..

Колбин, оставив бумаги в сторону, подошел к окну. Из его кабинета открывался вид на реку, покрытую рыхлым серым льдом. Пора бы уж льду тронуться, освободить черную воду от надоевшего зимнего панциря. Весна в нынешнем году запоздала. Хотелось тепла, а с неба сыпался мокрый снег.

– К вам пришли, Петр Ильич, – сообщила по телефону секретарша. – Вы примете?

– Я готов, – со вздохом согласился Колбин.

Начинался обычный рабочий день...

Глава 2

Может, пойти за ней? Уподобиться ревнивому мужу или неуверенному в себе любовнику? Нарушить установленные им же самим правила? Презреть приличия?

Оленин вскочил, нервно потирая ладони, бросил взгляд на часы и выглянул в приемную. Его молоденькая ассистентка Сима поспешно спрятала зеркальце.

«Опять красится на рабочем месте, – сердито подумал он. – Забыла, что у нас тут не ночная дискотека!»

– Кто следующий по записи?

– Госпожа Правкина, – заливаясь краской смущения, ответила девушка. – Но ее не будет...

– Почему?

– У нее грипп. Она звонила и просила передать вам, что...

– Хорошо.

Оленин закрыл дверь и вернулся в свое кресло. Никуда он не пойдет! Не хватало прерваться в филера и шпионить за собственными пациентами. Что может быть отвратительнее и позорнее?

С этими мыслями он встал, вышел в приемную, молча прошагал мимо застывшей Симы, которая успела накрасить только один глаз и теперь докрашивала второй. От неожиданности ассистентка выронила зеркальце, оно упало на пол и, судя по звуку, разбилось.

– Ой...

– Впредь будьте любезны наносить макияж дома, – не оборачиваясь, процедил Оленин, срывая с вешалки куртку.

– И-извините, Юрий Павлович...

Он так хлопнул дверью, что Симе обдало ветром. Она застыла, как пришитая, потом опомнилась, опустила на корточки и стала собирать под столом осколки зеркальца.

– Ай!...

Она порезалась – на пальце выступила алая капелька крови. Девушка машинально сунула палец в рот. Кровь была соленой на вкус, как и ее обида.

Симе хотелось плакать от досады, но она сдерживалась, чтобы не испортить результат своих трудов. Если краска потечет, придется все начинать сначала. Юрий Павлович, неровен час, опять застанет ее за «нанесением макияжа» и будет ругаться. Чем она его так раздражает? Подумаешь, реснички подмазала... Никого же нет. Никто не видит...

В аптечке закончилась перекись. Сима в свободное время – то бишь пока у Оленина длился сеанс – имела привычку заниматься маникюром. От рассеянности или по неосторожности она могла порезаться и часто пользовалась перекисью, чтобы остановить кровь. Незаметно она израсходовала всю бутылочку.

Сима была влюблена в своего шефа и не скрывала этого. Только он почему-то не поддавался ее чарам. Напротив, подмечал любую оплошность ассистентки и не упускал случая сделать ей замечание. Девушка из сил выбивалась, надеясь угодить доктору. Собственно, красилась-то она именно ради него, а он...

Вместо перекиси Сима обработала ранку йодом и заклеила пластырем. Выметая из-под стола остатки зеркальца, она злилась на свою неловкость. Разбитое зеркало – не к добру. Теперь Юрий Павлович точно ее уволит. Она уже четвертая ассистентка, которая продержалась дольше всех. Если доктор ее выгонит, придется искать новую работу. А куда возьмут молодую барышню после медучилища? В обыкновенную городскую больницу? Делать уколы и возиться с хворыми? Юрий Павлович хоть и ругается, зато платит по-человечески.

Не жмотится. И напрягаться особо не заставляет. Отвечать по телефону, записывать пациентов на прием, вести журнал посещений... разве это трудно? Просто лафа...

Сима, вздыхая от жалости к себе, решила навести порядок в приемной. Полить цветы, вытереть пыль, почистить табличку на двери доктора. Авось тот смягчится и передумает ее выгонять. Кстати, куда это он побежал сломя голову? Ничего не сказал, не предупредил, когда вернется... На него не похоже. Он всегда такой пунктуальный...

Тем временем господин Оленин торопливо шагал по улице, вглядываясь в спины идущих впереди людей. Не мелькнет ли среди них красное пальто и пестрая шаль? Пациентка неоднократно говорила, что любит ходить пешком. Это ее успокаивает. Наблюдая за ней из окна приемной, он ни разу не заметил, чтобы она садилась в машину. Общественный транспорт тоже не для нее. Она жаловалась на приступы удушья в метро и маршрутках. По-видимому, дама живет где-то неподалеку, если добирается на сеансы своим ходом. Жаль, он не знает ее адреса.

Впрочем, он сам позаботился о полной анонимности и конфиденциальности для своих пациентов. Преимущественно к нему обращались состоятельные женщины, – так уж повелось. Им импонировала непринужденная, располагающая к отдыху атмосфера его офиса и то, что он не требовал никаких документов, не обязывал называть фамилию, адрес и место работы. Плату за сеансы Оленин установил довольно высокую и поднимал ее ежегодно. Он не боялся остаться без практики. Постепенно его клиентура уменьшилась, зато значительно выросла цена на его услуги. Одно уравнивало другое. Оленин не любил много работать – он предпочитал качество количеству. Предлагая новые методы лечения без применения лекарств, он приобрел репутацию «доктора для богатых» и снискал популярность в кругах толстосумов. Лечиться у Оленина стало модным. К нему зачастую обращались не столько по необходимости, сколько из интереса и подражания. Чтобы потом посплетничать на скучных тусовках и обменяться впечатлениями в женских клубах. Нервные истеричные дамочки, развращенные роскошью и ленью жены нуворишей, избалованные любовницы бизнесменов, измученные конкуренцией жертвы шоу-бизнеса составляли его контингент.

Впереди мелькнуло красное пальто, и Оленин устремился вперед. Прохожие опасливо оглядывались.

– Осторожнее, мужчина... – недовольно протянула ему вслед увядающая красавица на высоченных каблуках.

Кажется, он ее толкнул. Она чудом удержалась на ногах. Еще бы! Из нее уже песок сыплется, а она шпильки надевает.

– Простите... – на ходу бросил Оленин.

Красное пальто свернуло в проулок, и доктор приотстал. Чтобы не выдать себя, он вынужден был пропустить вперед несколько человек. Выждав пару минут, он ринулся в проулок. Сюда едва проникал бледный свет, серые стены домов отсырели, повсюду лежал твердый грязный снег. Уныло. Веет безысходностью.

Где же красное пальто? Доктор растерянно оглядывался. Никого похожего на даму, которую он ищет...

Оленин покружил по окрестным дворам, махнул рукой и вышел на соседнюю улицу. Снежная пыль летела ему в лицо. Второпях он забыл надеть головной убор, и его волосы намокли.

– О, черт...

Выругавшись, доктор зашагал в обратную сторону. По дороге к офису он предавался тревожным мыслям. Невольно вспомнилось, как дама в красном пальто первый раз явилась к нему на сеанс. Без предварительной записи, без консультации. Просто ворвалась в приемную, упала в кресло и потребовала кофе по-венски со сливками и сахаром.

У Симы дрожали руки, когда она подавала посетительнице маленькую керамическую чашечку с дымящимся напитком.

«Сливки у нас нет...» – промямлила ассистентка.

«Безобразия!» – то ли шутя, то ли всерьез возмутилась дама.

У Оленина как раз образовалось «окно». Постоянная пациентка укатила в Европу на воды, и он развлекался тем, что перелистывал Фрейда. Никогда не помешает освежить в памяти рекомендации такого светила, как основатель психоанализа.

Разумеется, он отложил Фрейда ради Айгюль, как назвалась незнакомка. Практика не менее важна, чем теория.

Это была красивая женщина с выраженными восточными чертами – жгучая брюнетка, длинноволосая и черноглазая, с нежным румянцем и яркими губами цвета зерен граната. Ее желтое платье тесно облегло фигуру, подчеркивая тонкую талию и высокую грудь. На шее блестело широкое ожерелье из яшмы. Она будто сошла с персидских миниатюр и волшебным образом перенеслась в хмурую холодную Москву.

У Оленина перехватило дыхание, когда он увидел этакое чудо. Но он быстро преодолел оцепенение и произнес, прочистив горло:

– Прошу, располагайтесь... Кресло или кушетка? Что для вас удобнее?

Она, колебавшись, выбрала кушетку и грациозным движением опустилась на нее.

– Вы знаете мои расценки? – осведомился он, ощущая сухость во рту.

Странно, что в тот момент ничего другого не пришло ему на ум.

– Конечно, знаю, – улыбнулась она. – У меня есть деньги.

На вид ей можно было дать не больше двадцати пяти. Она потупилась, разглядывая пушистый ковер на полу. У Оленина вылетели из головы все обычные фразы, заготовленные для первого посещения. В кабинете повисло молчание. Обычно девушки, которым за двадцать, казались ему неинтересными. Он обожал юность, дыхание и краски весны. Рассвет, а не полдень, вдохновляли его. Бутон, а не распутившаяся роза будили его кровь. Так проще было отбросить неумолимость времени и забыть о мимолетности жизни. Оленин любил весну во всех ее проявлениях.

– Как вас зовут? – спросил он незнакомку, которую мысленно окрестил пери³.

Правда, у нее за спиной не было крыльев. Но доктор и не видел в ней падшего ангела – скорее дивную прелестницу. Не существует безгрешных женщин, в этом он убедился на опыте. За тонкой оболочкой *личности*, представляемой человеком в социуме, – будь то мужчина, дама или невинная девица, – клокочет бездна, полная гурий и чудовищ. И если первые охотно показываются на свет, то последние обитают на самом дне. Однако и те, и другие существуют.

Невинности не бывает даже в мыслях. А образ, который показывает нам сия бездна, – всего лишь один из бесчисленных ее ликов, приемлемых для данного случая.

Возможно, профессия сыграла злую шутку с Олениным. В каждой юной девушке, потенциальной возлюбленной, он видел ее «темную сторону», которая отпугивала его. Он легко раскладывал по полочкам будущую жизнь с прекрасной феей – не сомневаясь, что за этой маской неизменно скрывается сварливая ведьма, – и не строил иллюзий по поводу брака.

Не удивительно, что он не был женат и не собирался обременять себя семейными узами в будущем. Совместное проживание со своей избранницей в любви и согласии казалось ему утопией. Его связи длились не более полугода, и это уже считалось долгим сроком.

³ Пери – в иранской мифологии падший ангел, временно изгнанный из рая, приставленный охранять людей от демонов. Принимал образ крылатой женщины. Второе значение – женщина чарующей красоты.

Едва сблизившись с какой-нибудь смазливой девицей, он тут же начинал подвергать ее внутренний мир придирчивому анализу, который не оставлял камня на камне от усердно создаваемого образа, которым юная леди пыталась заманить доктора в свои сети.

Порой ему самому становилось тошно от своей проницательности, однако куда же от этого денешься?

– Айгюль... – вымолвила черноволосая пери, напомнив доктору о его обязанностях.

Оленин, задумавшись, забыл, о чем ее спрашивал. Не подвергает ли она его скрытому гипнозу? Он спохватился и вежливо кивнул.

– Меня зовут Айгюль, – повторила она, заметив замешательство доктора. – А вас?

– Юрий Павлович...

– Очень приятно.

Почему-то он сразу ощутил исходящую от нее угрозу. Но не подал виду. Хорош врач, который боится своих пациентов! До сих пор Оленину не приходилось испытывать страха. Айгюль... вряд ли это ее настоящее имя.

«По глазам видно – авантюристка, – подумал он. – Что ей нужно? Готов поклясться, отнюдь не сеанс психоанализа...»

– Вы мне поможете? – спросила она.

– Это моя задача: помочь вам уладить вашу проблему. Ведь у вас есть проблема, не так ли?

Айгюль, поразмыслив, кивнула.

– В чем же она заключается?

– У меня что-то не в порядке с нервами, – ответила она. – Это и привело меня к вам. О вас отзываются как о лучшем специалисте в области... психиатрии.

– Психиатрия – не мой профиль. Я помогаю людям справиться с некоторыми навязчивыми состояниями, различными неврозами и...

– Значит, я обратилась не по адресу? – вздохнула она, старательно изображая огорчение.

Оленин был достаточно опытен, чтобы отличить притворство от истинных эмоций, присущих данному типу личности. Впрочем, он пока что не определил, к какому именно типу можно отнести Айгюль. Его проницательность натыкалась на плотный занавес, которым она отгородилась от доктора. Ну, не беда. На то он и профессионал, чтобы уметь открывать занавесы.

Оленин исподволь, незаметно изучал молодую женщину, – как та реагирует на его реплики, жестикулирует, куда смотрит, от чего краснеет или бледнеет. Она была напряжена и сосредоточена.

– Сначала я должен услышать, что вас беспокоит... – небрежно обронил он.

С такими, как эта Айгюль, нельзя сюсюкать и проявлять благодушие. Вмиг перехватят инициативу... и пиши пропало. Не врач будет контролировать ситуацию, а пациент. Такие «сеансы» – коту под хвост.

– Меня преследуют странные мысли, – сказала она, поправляя смоляной локон.

Ее волосы, перехваченные сзади заколкой, свободно вились на лбу и висках, пышно обрамляя лицо; грудь взволнованно вздымалась. Если отбросить современную одежду, посетительница напоминала Оленину принцессу из арабских сказок.

– Какие мысли?

– Самые причудливые...

– Например? – с мягкой настойчивостью спросил он.

– Вы требуете подробностей?

– Я должен уяснить природу явления, которое вас беспокоит.

– Ах, да... да! Избавьте меня от этого наваждения! – с неожиданной горячностью вымолвила она.

– Сначала обрисуйте проблему.

– Что ж... извольте. В общих чертах... это похоже на эротические фантазии... весьма щекотливого свойства...

Оленин, который привык выслушивать любые исповеди и признания, ощутил, как кровь бросилась ему в голову. Неужели он смущен?

Пациентка опустила длинные ресницы, довольная произведенным эффектом. В ее словах, во всем ее облике и поведении сквозила едва уловимая фальшь. Соблазнять она его явилась, что ли? В его практике всякое случалось, и такое тоже. Пожалуй, впервые Оленин почувствовал себя неуверенно. Он тщетно силился понять, чем эта Айгюль задевает его?

При ее несомненной красоте и выраженной сексуальности она не отвечала вкусам доктора. Во-первых, он предпочитал девушек не старше двадцати. Во-вторых, он терпеть не мог брюнеток, тем более жгуче-черных. В-третьих, ему нравились хрупкие угловатые формы, худоба, а не вульгарные округлости груди и бедер.

У себя в спальне он повесил заказную копию «Иды Рубинштейн», скандального позднего полотна Серова⁴. Эта картина отражала его эстетический идеал женщины.

– Вы заставите меня рассказывать? – залилась краской дама.

Оленин словно проваливался в беспамятство, не отслеживая, на сколько времени он выпадал из разговора. Очнувшись, он вынужден был улыбаться и делать вид, что все в порядке. Просто он отвлекся на секунду.

Ничего подобного раньше с ним не случалось...

– Простите... но это необходимость, а не моя прихоть, – рассеянно пробормотал доктор. – Необходимость... обусловленная лечебным процессом...

– Необходимость! – с затаенным сарказмом повторила пациентка. – Вы правы, Юрий Павлович. Тогда слушайте. Вы готовы?

– Разумеется...

Он избегал ее взгляда, надев на себя личину невозмутимого аналитика.

– Я расскажу вам о Зобеиде...

– О ком?

– Зобеида! Страстная и вечно неудовлетворенная жена восточного владыки...

«Все-таки Восток...» – успел подумать Оленин, погружаясь в пучину мрачных эротических грез, навеваемых словами пациентки...

⁴ Серов В. А. (1865–1911) – российский живописец и график. Последние его работы, особенно портрет известной актрисы и танцовщицы Иды Рубинштейн, вызывали резкую критику и даже травлю художника.

Глава 3

Черный Лог

Глория целые дни проводила в мастерской в цокольном этаже – так Агафон, покойный хозяин дома, называл свой кабинет: место, где занимался то ли опытами, то ли колдовскими ритуалами, то ли каббалой. Она оставила попытки разобраться в его записях или хотя бы упорядочить его бумаги. Карлик зашифровал рукописные тексты и стер информацию с винчестера. Компьютер достался новой обладательнице готовым к использованию, но девственно чистым.

Выходит, Агафон знал время своей смерти и подготовился к ней⁵. Вырвав Глорию из рук похитителей, он фактически спас ее... дабы ввергнуть в очередное испытание. Теперь она ежедневно, ежечасно сдает экзамен, – неплохо бы сообразить, кому и по каким предметам. Колдовство? Ясновидение? Чернокнижие? Заклинание духов?

Книг Агафон собрал великое множество – редкие раритетные издания соседствовали в его библиотеке с обычными фолиантами, тонкими потрепанными брошюрками и написанными от руки трактатами на чужеземных языках. Глория учила в школе английский, как все, и в медицинском институте увлекалась латынью. Но для чтения рукописей этого не хватало. Она брала только книги на русском, однако одолела малую толику.

От скуки Глория бродила из комнаты в комнату, пытаясь понять карлика посредством окружающих его при жизни вещей. Любое жилище, любой предмет обихода несет на себе отпечаток владельца, говорит о нем языком символов, источает его флюиды.

В мастерской бывший хозяин держал разные предметы непонятного назначения. Глория не осмеливалась ни убрать какую-нибудь наводившую жуть штукину вроде бронзового адского пса Цербера, ни добавить что-то по своему вкусу. Ей досталось наследство, которому она не могла найти применения.

В завещании карлик отписал дом со всем его содержимым своему слуге Санте, однако предвидел, что приобретет его не кто иной, как Глория. Он оставил ей письмо, в котором объяснялся в любви...

Глория спрятала это «послание с того света» и запретила себе прикасаться к нему и вспоминать о нем. Однако запрет почему-то действовал с точностью до наоборот. Ее мысли возвращались к письму Агафона чаще и чаще. Должно быть, она искала там ответы на свои невысказанные вопросы. Искала разгадку собственной души...

Здесь, в мастерской, уродливый человечек с безобразным туловищем и лицом греческого бога испустил дух, держа за руку Глорию... и с последним дыханием передал ей свой непостижимый и ужасный дар.

Она до сих пор сомневалась, произошло это на самом деле или она попала в ловушку воображения... поддавшись магнетизму умирающего, который не только не ослабевал с течением времени, но, напротив, крепчал и усиливался. Глория оказалась в зоне притяжения карлика и не могла вырваться. А главное – уже не хотела.

Однажды она сбежала отсюда, чтобы вернуться. И теперь этот странный дом, наполненный удивительными вещами, привнес в смысл ее существования острые и пряные ноты, без которых она не представляла себя.

⁵ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Копи царицы Савской».

Карлик как будто присутствовал рядом, опекал ее, оберегал от просчетов и ошибок, наставлял и развлекал. То, что он умер, перестало пугать Глорию. Постепенно она привыкала к мысли, что унаследовала не только его слугу и жилище, но и род его занятий. Шаг за шагом она открывала в себе новые качества, необъяснимые с точки зрения логики, но близкие ей по духу.

Ее посещали смутные видения, которые она не всегда умела правильно истолковать.

Ее сны стали более осмысленными. То есть во сне Глория понимала, что это сон, который не менее реален, чем бодрствование.

Она поймала себя на том, что беседует с *пустотой*. И неуловимая суть этих бесед составляла некий безмолвный источник информации, о котором она раньше не подозревала.

На столе в мастерской стояла картина «Встреча Соломона и царицы Савской». В склоненной даме со лбом мадонны Глория пыталась разгадать собственную тайну. Агафон ни разу не обмолвился, какой скрытый смысл вкладывал он в образы царя Соломона и царицы Савской. Он любил поговорить о них, но все как-то вскользь, вокруг да около...

Картина свалилась со стены в момент смерти карлика, рама разбилась... и Глория не стала возвращать полотно на место. В этом она усматривала намек... словно с уходом Агафона что-то закончилось и никогда уже не будет прежним.

Семь медных кувшинов на постаментах в виде колонн посреди мастерской будоражили ее воображение. Должно быть, карлик пошутил, что заключил туда *джиннов*. Любопытство боролось в Глории со страхом. А вдруг она «выпустит *джинна* из бутылки» и потеряет контроль над ним? Что тогда делать? Мало ли что может натворить своевольное бесплотное существо, созданное из огня? Как потом загнать его обратно?

Подобные размышления казались Глории безумными, и она с ужасом прислушивалась к себе... не зреет ли в ее мозгу коварная болезнь? Симптомы, которые она помнила из курса психиатрии, приходили на ум один за другим, и почти каждый она находила у себя.

«Безумие заразно, – повторял на своих лекциях старичок-профессор. – Общаясь изо дня в день с безумцами, вы рискуете подхватить от них вирус душевного недуга...»

Будучи студенткой, Глория вместе с остальными посмеивалась над профессором. Однако сейчас его слова обрели иное звучание и перестали казаться проявлением старческого маразма.

– С кем поведешься, от того и наберешься... – бормотала она. – Неужели я заразилась от Агафона его безумием? Меня преследуют зрительные и слуховые галлюцинации, которые я принимаю за... некое новое состояние?

Она ходила вокруг кувшинов, как кот вокруг сметаны. Очень хотелось знать, что там, внутри. На каждом кувшине красовалась эмалевая вставка. Узкие горлышки были закрыты крышками и залиты сургучом. На сургуче кто-то оттиснул печать. Глории не удавалось разобрать, что изображено на печати. Какие-то закорючки...

Она перерыла все ящики в столе Агафона в надежде обнаружить «инструкцию» по обращению с кувшинами. Увы, карлик не оставил ей подробных указаний. Подразумевалось, что он передал ей свою *колдовскую силу* вкуче со всеми необходимыми знаниями.

– Бред... – вымолвила Глория. – Я понятия не имею, как вести себя с ними...

Она говорила о *джиннах* как о людях, и это рассмешило ее.

– Он издевается надо мной, – сказала она, думая о карлике. – А я поддаюсь на его уловки.

В дверь мастерской постучали, и на пороге появился Санта в неизменном спортивном костюме.

– Обед подавать? – лаконично осведомился он.

– Агафон когда-нибудь пользовался этими кувшинами? – спросила Глория.

– Не знаю...

– Откуда они появились?

– Они уже были здесь, когда хозяин взял меня в дом, – объяснил великан. – А что?

– Ничего, иди...

– Уже полдень, – заявил Санта. – Пора обедать.

Слуга свято соблюдал традиции, заведенные Агафоном. Глория не стала спорить. За обедом она продолжала размышлять о кувшинах.

«Это же Сулейманова печать!» – осенило ее.

– Санта, принеси мне из библиотеки сказки «Тысяча и одна ночь».

Великан послушно отправился на второй этаж. Прошло несколько минут, пока он искал книгу на полках. Вернулся Санта довольный, неся в руках старое издание сказок.

Глория схватила толстенную растрепанную книгу и принялась листать. Ага, вот... бедный рыбак из Аравии... много раз вытягивал сети пустыми...

Это была история о том, как рыбак выловил медный кувшин, запечатанный свинцом. На свинце «великий волшебник, царь Сулейман ибн Дауд, вырезал тайное и страшное девяносто девятое имя Аллаха... которое давало ему власть над птицами, ветрами и злыми духами – джиннами...»

– Дело тут не в пробке... – пробормотала она, лихорадочно пытаясь поймать ускользающую мысль. – Не в пробке... Сулейман ибн Дауд... это же... Соломон, сын Давида!..

Москва

Последняя пациентка покинула кабинет Оленина в девять вечера.

Закончив прием, он устало потянулся и позвал Симу.

– Тебя подвезти?

– Если вас не затруднит... – робко кивнула она, помня о разбитом зеркальце.

Интересно, существует ли способ обезвреживания плохих примет?

– Сегодня тебе пришлось задержаться допоздна, – сказал доктор. – Я за тебя отвечаю. Не люблю эти длинные подземные переходы после часа пик. Там болтается всякая шпана.

Она поблагодарила, пряча радостную улыбку, и пошла собираться.

В машине Юрий Павлович молчал. Он будто забыл дневной инцидент с макияжем и не прочитал Симе обычную нотацию. Она сама понимала, что краситься нужно дома, а не на работе. Но времени катастрофически не хватало. Она хотела поступать в медицинский, по вечерам готовилась к экзаменам, а утром не могла себя заставить встать. А ведь когда-то же и погулять нужно, и отдохнуть. Поэтому Сима наверстывала упущенное в приемной господина Оленина. Выкручивалась как могла.

По утрам доктор приходил тютелька в тютельку – видно, сам был не прочь поспать. Естественно, он торопился и не обращал на ассистентку внимания. Зато пока длился первый сеанс, Сима успевала привести себя в порядок и представала перед шефом во всеоружии своей красоты.

Раньше ей это сходило с рук. Но в последнее время Оленин будто с цепи сорвался. Стал раздражительным, нервным и придирчивым. Ему самому не помешал бы сеанс психоанализа.

– Что притихла? – сердито спросил он, будто читая ее мысли. – Дуешься?

И поскольку девушка не нашлась что ответить, назидательно произнес:

– Обижаться вредно, дорогуша.

– Я не обижаюсь... – соврала Сима.

С утра сыпал мелкий, как белая пыль, снег. Дорога была скользкой, и Оленин сбавил скорость. Сегодня у него выдался напряженный день. Особенно изматывали его сеансы

с Айгюль. После ее ухода хотелось выпить. Он не держал в офисе спиртного и не мог дожждаться, когда доберется домой и позволит себе расслабиться.

Интересно, куда она исчезает, повернув в чертов проулок? Прячется в одном из подъездов? Или живет в тех домах? Некоторые улицы Москвы, где еще сохранился дух старины, обладали собственной неповторимой аурой и существовали как бы в нескольких измерениях. Там тени прошлого обретали видимость и плотность, а время текло по особым законам. Оленину всегда казалось, что не только психика людей пронизана сетью темных лабиринтов, но и большие города с многовековой историей живут двойной жизнью. И, скользнув в какую-нибудь сумрачную подворотню, можно очутиться в другой Москве...

Он увлекся и проехал на красный.

– Ой! – испугалась Сима.

Она не знала правил дорожного движения, но сообразила, что доктор их нарушил, по сигналам других водителей.

Оленин выругался, оглядываясь, нет ли поблизости вездесущих гаишников. Если попал в обзор видеокамеры, штрафа не избежать. Проклятие!

– Все в порядке, – успокоил он ассистентку, которая приготовилась к худшему. – Мы почти приехали.

Он высадил Симу у ее дома на Маросейке со словами:

– Позвони, чтобы тебя встретили...

– Зачем?

– На всякий случай. Темно уже, поздно.

– У нас во дворе фонари...

Оленину сегодня все не нравилось – собственная рассеянность, наивное бесстрашие Симы, угрюмые ночные улицы, твердые пласты снега вместо весенней зеленой травки. Какой же это апрель, если до сих пор приходится надевать теплую куртку?

Он старался быть внимательным и следить за светофорами. Это Айгюль выбивает его из колеи. Может, отказаться от сеансов и вернуть ей деньги?

Насмешливое смуглое лицо Айгюль с раскосыми глазами предстало перед ним так явственно, что он зазевался и пропустил зеленый. Ему опять сигналили возмущенные водители. Он застопорил движение на полосе и затылком ощущал гневные взгляды и несущуюся в его адрес отборную брань.

Оленин жил на Красносельской. У него не было гаража, и приходилось оставлять машину во дворе под окнами, так, чтобы видеть ее из кухни. Этим вечером привычное место оказалось занятым.

– Что ж за день такой...

Ворча, доктор припарковался впритык к ржавому «Жигулю», который давно пора было сдать на металлолом, и красной иномарке. Не хватало только поцарапать чужой автомобиль...

У подъезда к Оленину подошли двое парней в одинаковых черных шапочках, надвинутых на глаза, и попросили закурить. Доктор мгновенно представил, что сейчас начнется: его свалят на землю и будут бить ногами, пока он не отключится... а потом обчистят карманы и убегут.

– Я не курю, ребята, – вежливо ответил он, оглядываясь по сторонам.

Как назло, во дворе не было ни души. Никто не выгуливал собачек, ни одна парочка не целовалась на грязных после зимы скамейках. Черт...

– Здоровье бережешь? – усмехнулся один из парней, дохнул пивом и смачно сплюнул. – Ну, береги, береги...

Они повернулись и, вопреки ожиданиям доктора, вразвалку зашагали прочь.

Оленин с облегчением приложил брелок к кодовому замку. Железная дверь подъезда открылась, и он нырнул в темноту. «Опять лампочка перегорела», – подумал доктор, и тут на его голову обрушился удар. Не слишком сильный... он даже не потерял сознание. Лежа на холодном полу, он пытался рассмотреть напавшего. В темноте было слышно громкое сопение.

– Ты че творишь, сучий сын? – выкрикнул мужской голос. – Че творишь?! Думаешь, тебе все позволено?

– Вы... кто? – выдавил Оленин и получил в ответ град ударов в бока и спину.

Он скорчился, закрывая руками голову. Мысль о том, что ему отобьют почки и сделают инвалидом, привела доктора в отчаяние.

– Х... в пальто! – грубо прохрипел голос. – Я по твою поганую душу!

– Что вам... надо? Денег? Возьмите портмоне... в кармане...

– Пошел ты со своими деньгами...

Несколько новых ударов отбили у Оленина охоту говорить. Зато агрессор, наоборот, осыпал доктора ругательствами и оскорблениями. Он не намеревался грабить свою жертву.

– Я тебя убью, падла... – хрипел голос. – Убью! Но не сразу! Хочу, чтобы ты помучился... Зверюга! Есть же такие ублюдки...

– Вы... меня... с кем-то путаете...

Невидимый враг раскатисто захохотал, наградив Оленина сильным пинком в поясницу.

– Ты сдохнешь, тварь! – злобно процедил он. – Сдохнешь, как собака! Клянусь...

Оленин не сомневался, что неизвестный способен выполнить свое обещание. Он не убивал доктора только потому, что решил растянуть удовольствие.

– Побежишь в ментовку – тебе кранты! – предупредил его из темноты голос. – А так, может... протянешь еще месяц-другой...

Он издевался над Олениным, чувствуя свое превосходство и полную власть над поверженным противником. В заключение невидимка нанес ботинком удар доктору в лицо, и хотя тот успел закрыться руками, рассек ему бровь. Теплая кровь потекла по затоптанным плиткам парадного.

– Я не прощаюсь... – зловеще бросил голос. – Жди меня, сука! Жди и бойся...

До Оленина донесся лязг двери, и он провалился в беспамятство. Придя в себя, доктор со стоном приподнялся. Ничего, кажется, не сломано... и голова цела. Пульсирующая боль пронизывала мозг, все тело ныло. Однако могло быть и хуже...

Оленин с трудом сел, отдышался и прикинул, есть ли у него шансы самостоятельно добраться на третий этаж. Дом будто вымер. Так что помощи ждать не от кого. Он вспомнил о мобильнике и, преодолевая боль, полез в карман. Телефон оказался разбитым.

«Куда ты собираешься звонить? – спросил он себя. – Кому? Друзей, которые бы могли постоять за тебя, ты давно растерял... а новых не приобрел. Заявлять в полицию бессмысленно... Ты же ничего не видел, понятия не имеешь – ни кто тебя избил, ни за какие грехи ты наказан...»

Оленин, несмотря на свою известность, был, по сути, довольно одинок. Поглощенный работой, врачебной карьерой, он перестал поддерживать связь со всеми, кто раньше окружал его. Женой не обзавелся. Родители жили на другом конце города, видаться с ними удавалось редко. Они сами нуждались в его помощи.

Менее удачливые однокурсники завидовали ученым званиям Оленина, заграничным дипломам и успешной частной практике. Мало кто устроился, подобно ему, – можно сказать, никто.

Пожалуй, впервые Оленин посетовал на одиночество. До сих пор он наслаждался своей свободой от всех и всяческих обязательств, в том числе и дружеских.

С трудом поднявшись на ноги, он, хромя, нажал кнопку вызова лифта.

«Побежишь в ментовку – тебе кранты!» – вспыхнуло в его уме. Почему-то не вызывало сомнений, что невидимка не шутил.

«Что я ему сделал? – размышлял доктор. – Чего ему от меня надо? Если не денег, то...»

Лифт остановился на третьем этаже, и Оленин, шатаясь, добрел до двери своей квартиры. Зеркало в прихожей отразило его изуродованное ссадинами, вымазанное кровью лицо. Бровь вспухла, кровоточила. Глаза заплыли.

– Господи... – ужаснулся доктор. – Ну и отделал же он меня...

Глава 4

Черный Лог

Утром пустился дождь со снегом. В низинах лежал молочный туман. Лавров ехал по проселку на служебном джипе, проклиная погоду и каприз Глории, который загнал ее в эту Тьмутаракань.

Хмурый Санта открыл ему ворота и впустил во двор. Все было голо, серо и мрачно. С крыши дома, монотонно журча, бежала грязная вода. Из трубы клубился дым.

– С тоски помрешь... – буркнул начальник охраны, вытирая ноги о посланный слугой половичок у входа.

Глория сидела в зале, грелась у растопленного камина. Она становилась все краше с каждым разом, все желаннее и... все холоднее. Увидев Лаврова, она даже не улыбнулась.

– Не ждала?

– Нет, – покачала она головой. – Что-то случилось?

– Просто захотелось тебя увидеть.

– А...

Она была одета в длинное пестрое платье, скрывающее фигуру. В ее серых с прозеленью глазах отражались языки пламени. Темные волосы Глория по-домашнему собрала в пучок на затылке.

– Колбин дал мне отгул, – похвастался Лавров.

Она молча кивнула, продолжая смотреть на огонь.

– Ты не в духе? – упавшим голосом спросил он. – Или я некстати приехал?

– Как там в Москве? Мокро? Скользко?

Когда не о чем говорить, начинают обсуждать погоду. Лаврова передернуло. Неужели ей не скучно жить здесь одной, на краю леса, среди заброшенных деревенских изб? Неужели не страшно? Чертов карлик, бывший хозяин дома, приворожил ее, околдовал.

– Может, прислать тебе охранника? – предложил он.

– Зачем? – неподдельно удивилась она. – Санты вполне хватает. Давай сыграем партию?

Она кликнула слугу, и тот принес столик, доску и коробку с шахматами. Фигуры, выточенные из кости, были сделаны в виде людей и животных. Король, похожий на султана, и ферзь-султанша, всадники в чалмах, боевые слоны.

– Раньше я у тебя таких не видел...

– Это шахматы Агафона.

«Когда я была его пленницей, мы частенько развлекались игрой в шахматы, – чуть не сболтнула Глория и подумала: – Должно быть, он до сих пор удерживает меня в своем плену...»

Лавров плохо играл, но не посмел отказаться. То, что шахматы принадлежали карлику, неприятно поразило его. Впрочем, это же его жилище... наполненное его вещами. Ничего удивительного.

– Я выбираю черные, – сказала Глория.

Каждая ее фраза, казалось, несла зловещий подтекст. Или Лавров слишком болезненно реагировал на происходящие в ней перемены.

Он кивнул и принялся расставлять фигуры на доске.

Великан, умевший при своем росте и габаритах двигаться бесшумно, скользнул в каминный зал с подносом, на котором стояли кофейник, две чашечки и сахарница.

Партия не задалась с самого начала. Глория играла рассеянно, но это не спасло гостя от мата на десятом ходу.

– Ты поддаешься! – засмеялась она.

– Нет, клянусь...

– Что с тобой происходит?

– Со мной? Скорее с тобой не все ладно, – возразил Лавров. – Ты уединилась, ведешь жизнь отшельника...

– Отшельницы, – охотно подтвердила она. – И страшно довольна. В уединении есть своя прелесть.

Начальник охраны демонстративно обвел глазами каминный зал. Вишневые шторы, бархатная мебель, розовый хрусталь люстр, гобелены на стенах.

– Хотя... вряд ли ты здесь одна...

– Имеешь в виду Санту?

– Нет, конечно. Слуги не считаются.

– Санта не слуга... он мой друг. Ему нравится помогать мне.

– Но ведь ты платишь ему?

– Я даю ему деньги на хозяйство и на личные расходы, – сказала Глория. – Он неприхотлив.

Лавров злился, сам не понимая, что его так бесит. В этом доме за ним как будто наблюдали из каждого угла, пристально следили за каждым его шагом. Подслушивали каждое слово.

– Он мужчина, – заметил начальник охраны. – Еще не старый... просто седой. Вы живете под одной крышей...

– Санта ночует во флигеле.

– Да знаю я, знаю...

– На что ты намекаешь? – удивилась Глория. – Думаешь, я и Санта?..

Она захохотала, откидывая голову и блестя зубами. Лавров обиженно уставился на доску с застывшим на белых и черных клеточках отпечатком своего поражения. Ему поставили мат... не только в шахматной партии, но и в жизни. Ревновать к Санте глупо... Если быть до конца честным, он ревновал Глорию не к седовласому увальню, а к тени покойного Агафона. Санта казался ему продолжением карлика, его наместником. Как будто колдун наделил слугу некими тайными полномочиями, которые тот неукоснительно исполняет. Глория – наивная дуручка! Попалась в расставленные сети, заглотнула наживку, и теперь Агафон и Санта дергают за ниточки, а она пляшет под их дудку...

Он бы зашел в своих рассуждениях еще дальше, если бы Санта не объявил об обеде. Подражая вышколенному английскому дворецкому, слуга замер на пороге зала, выпятил грудь и зычно произнес: «Кушать подано!»

– Фу ты... испугал, – всплеснула руками Глория. – Что у тебя там подано? Огласи, пожалуйста, меню.

– Бульон... пирожки с грибами, отбивные и картошка. На десерт – фрукты и сыр.

Вчера Санта делал вылазку в ближайший районный центр и пополнил запас продуктов. Мясо, молоко и овощи он покупал у местных жителей, а все остальное привозил из магазинов. Особенно великан налегал на фрукты. Так было заведено у них с Агафоном.

Лавров отдал должное стряпне Санты. Готовил тот превосходно.

– Ему бы поваром работать, – пробурчал гость, уписывая румяные пирожки.

– Я ему предлагала. Он и слышать не хочет, – довольно улыбалась Глория. – Ему нравится для меня стряпать.

За десертом Лавров спросил:

– Значит, по ночам ты остаешься в доме одна? Не страшно?

– Чего мне бояться? Грабители сюда не сунутся. Глухомань...

– А как же призраки? Неужто бывший хозяин тебя не навещает?

Она молча жевала дольку апельсина. Было слышно, как потрескивают поленья в камине, заботливо подброшенные Сантой.

– Спроси еще, не приходит ли ко мне покойный муж?

Лавров пожалел, что заговорил о призраках. Глории это пришлось не по вкусу. Меньше всего он стремился огорчить ее.

– Ладно, прости... – покался он. – Я не хотел. Вырвалось.

– Ты умеешь толковать сны?

– Попробую...

Он готов был любым способом загладить вину. Черт его за язык дернул!

– Мне с детства снится одно и то же, – заговорила она. – Дворец, длинная анфилада комнат, тысячи горящих свечей... распахнутые окна в сад... и странные люди, кто в рубище, кто в богатых одеждах... странные существа с крыльями... звери и всадники... рыцари, прекрасные дамы. Они гуляют по саду... танцуют или беседуют... Нищий может пригласить на танец царицу, а священник – прогуливаться с обнаженной красавицей...

Лавров поперхнулся и отложил в сторону недоеденное яблоко.

– Священник и голая женщина? Интересно...

– Что это значит, по-твоему?

Когда-то Глория поведала свои повторяющиеся сны Агафону, и тот сказал, что со временем ей откроется смысл ночных видений. Время это пока не наступило. И она испытывала потребность поделиться содержанием снов еще с кем-то. Ближе Лаврова у нее никого не было.

– Скоро год, как ты овдовела, – поразмыслив, заявил он. – Вероятно, тебе нужен мужчина. Чтобы он согрел твою постель и твое сердце. Эти сны – твои эротические фантазии...

– Если ты обратил внимание, сны приходят ко мне с детства! – напомнила Глория.

– А что, детям не снится эротика?

Она вздохнула и потянулась к кофейнику. Глоток холодного кофе с лимоном привел ее в чувство. Не то Лавров услышал бы в свой адрес много нелестного.

– Расскажи подробнее, – попросил он. – Я читал, что образы в снах навеяны подсознанием. Тебе не хватает элементарного!

– Уж не секса ли? – усмехнулась она. – Хочешь предложить себя в любовники?

– Зачем же так прямолинейно, в лоб? – поморщился Лавров.

– А чего вилать?

У него пересохло в горле. Предложить себя в любовники? Почему бы нет?.. С одной стороны – он только об этом и мечтал. С другой – выходит, он сам напросился. Каково это – быть любовником Глории? От сладких мыслей закружилась голова...

Лавров завидовал ее мужу, когда тот был жив, и перестал завидовать, когда тот погиб, разбился на своем крутом «мерсе». Каждому – свое. Так сложилось, что вдова осталась на его попечении. В бизнесе он мало смыслил и не лез туда. Но безопасность Глории обеспечивал он. Правда, в последнее время она как будто перестала нуждаться в его услугах. Кто мог угрожать ей в лесной глухомани? Разве что перебравшие самогону деревенские мужики вздумают заглянуть на огонек... и то вряд ли. Дом колдуна пользовался дурной славой, и даже деревенские буяны обходили его за версту.

– Ты слушаешь? – донеслось до него.

– А? Да... слушаю. Ты говори...

– Так вот... снится мне пригожий молодой человек... – продолжала Глория.

Начало Лавров пропустил и теперь старался уловить нить ее повествования.

– Стоит он в окружении двух красавиц... одна совершенно нагая, с цветами в распущенных волосах; вторая – с головы до пят укутанная в платье. Бедный парень никак не может выбрать между ними...

– Видишь, я угадал. Это эротика! – ввернул начальник охраны.

– У тебя одно на уме, – прищурилась Глория. – А я серьезно спрашиваю. Ты бы какую выбрал?

Вопрос поставил Лаврова в тупик. Скажи он, что выбрал бы голую женщину... Глория сочтет его сексуально озабоченным. Предпочти он одетую – бог знает, как она это расценит.

Он молчал, потирая затылок.

– Сверху над сей замечательной троицей парит Архангел, – добавила она.

– Архангел? – растерянно повторил Лавров.

– Вижу, ты в затруднении! – хихикнула Глория...

Москва

Сима сидела в приемной доктора Оленина и обзванивала пациентов.

– Юрий Павлович срочно улетел на симпозиум, – важно заявляла она. – Его не будет до конца недели. На какое число перенести ваш сеанс?

Она свято верила, что говорит правду. Именно это сообщил ей Оленин рано утром по телефону. Его голос показался Симе каким-то больным.

«Вы здоровы?» – бестактно брякнула девушка.

«Я плохо спал перед перелетом, – недовольно отозвался доктор. – Голова тяжелая».

«А... куда вы летите?»

Она проклонила себя за любопытство, но ничего не могла с этим поделать. Оленин стал ее кумиром, звездой первой величины на ее небосклоне. Ее увлечение стремительно перерастало в обожание и поклонение. Страсть смешивалась с благоговением и почитанием, которые подогревали ее безрассудную влюбленность в доктора.

«В Европу...» – неохотно ответил тот. Хотя мог бы не отвечать. Он не обязан давать отчет ассистентке.

«Значит, я ему не безразлична! – с замиранием сердца ликовала Сима. – Возьмите меня с собой! Я вам пригожусь! – этот невысказанный крик души она подавила и промямлила: – Счастливого пути...»

«Поработай до обеда, предупреди пациентов... и можешь идти домой», – распорядился доктор.

Оставшись одна на телефонах, она могла краситься в свое удовольствие, делать маникюр и пить чай. Но без Оленина макияж, лак для ногтей и новое модное платье в обтяжку показались ей неуместными.

Ах, каким счастьем, каким наслаждением было бы сидеть рядом с доктором в салоне авиалайнера и, потягивая холодный сок, наблюдать в иллюминаторе облака!..

К полудню Сима устала, проголодалась и засобиравалась домой. Она всех обзвонила и с чувством выполненного долга выпорхнула на улицу. Весны не ощущалось. Серое небо, грязный снег на газонах, скользкие тротуары. Сима чуть не упала на своих шпильках. Высокие каблуки она надевала для Оленина, хотя тот, казалось, не замечал стараний девушки.

Симу посещали ревнивые мысли. «Может, он влюблен в какую-нибудь пациентку? – гадала она. – К нему на прием ходят такие красивые и состоятельные дамы, что не каждый мужчина устоит...»

Она почти доковыляла до остановки, когда услышала настойчивые сигналы клаксона. Сигналили ей.

Сима повернулась и увидела черную иномарку. Опустив стекло, водитель высунулся и помахал ей рукой.

– Олег, ты? – обрадовалась девушка. – Куда едешь?

– Садись, подвезу, – предложил парень. – Только быстрее, здесь нельзя парковаться.

Сима не любила метро, и толкаться в троллейбусе ей тоже не нравилось. Она с удовольствием воспользовалась предложением приятеля.

– Ты все хорошеешь, – искренне восхитился Олег, с которым они когда-то жили в одном дворе.

Сима порозовела от удовольствия. Вот если бы Оленин делал ей такие же комплименты!

– Ты машину купил?

– Пока что подержанную. Нравится?

– Угу...

– Скоро на новую заработаю, – похвастался он.

В детстве Сима была «гадким утенком», но к совершеннолетию расцвела, округлилась, длинные тонкие ноги-спички обрели соблазнительную форму, белобрысы кудряшки превратились в пшеничные локоны до плеч. Если бы не веснушки, она считала бы себя неотразимой. Каких только средств она не перепробовала, чтобы вывести ненавистные коричневые пятнышки. Напрасно! Впрочем, парни и без того не обделяли ее своим вниманием. Только Оленин оказался неподдающимся...

Взять хоть бы Олега Карташина. Они жили по соседству, и все детство Сима страдала от его подтруниваний. Олег был постарше, водился с уличной шпаной и не упускал случая подразнить тощую голенастую девчушку. Она вздохнула с облегчением, когда Олег с родителями переехал в другой район.

Они как будто вновь познакомились в молодежном клубе, где подруга Симы отмечала день рождения.

«Сима-серафима, ты ли это? – изумленно воскликнул Олег, пристально вглядываясь в ее лицо. – Глазам не верю!»

Олег не отходил от нее весь вечер, приглашал танцевать, угощал дорогими коктейлями, осыпал комплиментами. Потом вызвал такси и подвез девушку до дома. Оказалось, Олег – совладелец клуба «Пони», популярного среди студентов заведения.

«У тебя уже свой бизнес? – польстила ему Сима. – Молодец. А я думала, ты хулиган!»

«Я был хулиганом, – засмеялся Карташин. – Немного баловался рэкетом, чуть не попал в банду, но это в прошлом. Теперь я законопослушный предприниматель. Делаю бабки. Не хочу прозябать, как мои родки. Мать болеет, папаша спился...»

Он много рассказывал о себе – о своих сомнительных похождениях, о ссорах с матерью, о том, как решил начать собственное дело. Сима слушала рассеянно, от выпитого с непривычки кружилась голова, подташнивало.

«Хочешь, возьму тебя официанткой в бар? – напоследок предложил он. – Будешь зарабатывать себе на шмотки и на карманные расходы. Чтобы у мамы не кланчить. У тебя мама кто? Училка? Небось живете от зарплаты до зарплаты?»

Олег был прав. Мать Симы неудачно вышла замуж и пожинала плоды своего выбора. Супруг-музыкант оказался бездарным и ленивым, перебивался случайными заработками, любил пофилософствовать и норовил залезть в кошелек жены. Будучи ребенком, Сима этого не замечала, а по мере взросления все сильнее стеснялась отца и не раз советовала матери развестись. Но та терпела, чтобы на старости лет не оставаться одной. Она так и говорила Симе: «Ты выпорхнешь из родительского гнезда и забудешь о матери, а мне что, с ума сходять в четырех стенах?»

На самом деле скорее можно было сойти с ума с таким мужем. Однако Сима не настаивала. Она понимала, что мать имеет право сама решать, как и с кем ей жить.

«Ну что, пойдешь ко мне в бар? – напомнил о себе Олег. – Деньгами не обижу. И вообще... возьму под свое крыло».

«Нет, спасибо, – отказалась Сима. – Я на врача учиться хочу. Буду в университет поступать. Учиться дорого, но я сначала поработаю по своей профессии. Вдруг разочаруюсь в медицине? Надо попробовать!»

С тех пор Олег начал ей звонить, предложил встречаться. Сима не говорила ни да, ни нет. Они изредка танцевали в клубе, потом поклонник провожал ее домой, преподносил скромные презенты – духи, сумочку, бижутерию. Набивался в гости, но Сима не приглашала. Было неловко за убогую квартиру, старую мебель, неряшливого, брюзгливого отца, вечно замотанную мать.

– Ты чего грустная? – спросил Олег, выруливая на перекресток. – Случилось что-нибудь?

– Нет...

– Может, деньги нужны? Ты говори, не бойся. Я одолжу, сколько требуется.

– Мне зарплаты хватает, – вздохнула Сима.

– Поступать готовишься?

– Не-а...

– Почему? Ты же хотела.

Он нетерпеливо поглядывал на светофор. Видимо, торопился куда-то.

– Платить за учебу много, – сказала Сима, подавляя вспыхнувшее раздражение. – Маме в этом году часы в школе сократили, а отец дома сидит, баклуши бьет.

– Слушай, надо твою проблему решать. Коренным образом.

– Это как, интересно?

– А выходи за меня! – не глядя на девушку, выпалил Олег. – Я сам неуч, зато жена будет образованная. Бабло на университет я обеспечу. Заживешь по-человечески, Сима-серафима, ангелица ты моя шестикрылая! Согласна?

– Нету такого слова – ангелица...

– Как это – нету? Должно быть. Как же тогда называть ангела женского пола?

Сима насупилась и замолчала. О замужестве она не думала. Вот если бы Оленин ее замуж позвал, тогда...

Карташин добиваться от нее немедленного ответа не стал, сделал вид, что ничего не было.

– Вот ты у знаменитого доктора работаешь, – не выдавая своей обиды, сказал он. – Видишь, какие он деньги гребет. Почесал языком час-другой и в шоколаде. Ходят слухи, бабы от него просто сатанеют. Правда, что ль?

– Юрий Павлович – светило психотерапии. Он... гений. Ты Фрейда читал?

– Это мужик, который все к сексу сводит? Любые проблемы? Слыхал!.. Типа девочка подсознательно жаждет совокупиться с отцом, а мальчик – с матерью. Гнусная теория, не находишь?

– Ты просто не понимаешь. Психоанализ... это неисчерпаемый метод. Юрий Павлович открыл совершенно новый аспект, он защитил диссертацию...

Олег сбавил скорость и перестроился в крайний ряд. Кажется, они угодили в пробку. Он со злобной ухмылкой повернулся к Симе.

– По-моему, твой Оленин – обыкновенный жулик, который дурачит пациентов и пудрит им мозги. Рубит капусту! Хорошо устроился. Работенка непыльная, а зелень течет рекой. И все в карманы доктора. Тебе небось крохи переппадают?

– Я только ассистентка...

– Которая по счету? – съязвил Олег. И поскольку девушка молчала, сам ответил: – Четвертая! Угадал?

– Ну и что? Юрий Павлович – профессионал высочайшей квалификации, – горячо вступилась за него Сима. – Естественно, он предъявляет особые требования к сотрудникам. С ним нелегко... зато престижно.

– Престижно! – хмыкнул Карташин. – Он каждую пациентку укладывает к себе в постель? Или через одну? Тебя уже пробовал завалить на кушетку?

– Не мели чепухи. Существует же врачебная этика...

Олег неожиданно захохотал. Сима покраснела и не знала куда себя деть. Не признаваться же, что она бы рада, да Оленин в ее сторону не глядит.

– Ты, часом, не втюрилась в своего врачешку?

– Прекрати...

Сима чуть не плакала. Тогда как в Карташина словно бес вселился.

– Ты хотя бы поинтересуйся, что делает Оленин со своими ассистентками! Никогда не задумывалась? Куда они деваются?

– Как это... *деваются*? – похолодела Сима. – Ты на что намекаешь?

– Я не намекаю... я боюсь за тебя. Знаешь, какие слухи ходят о твоём докторе?

– Никакой он не мой...

Девушка потребовала остановить машину, но Олег не слушал ее. Он говорил, и от его слов волосы шевелились на голове Симы...

Глава 5

Оленин, разумеется, не улетел на симпозиум. Он затворился в своей большой квартире и зализывал раны. Его снедал страх. В гулких комнатах, которые он не успел полностью обставить, пахло белилами и паркетной доской. Доктор только-только закончил ремонт. После избиения в собственном парадном у него пропало желание ездить по магазинам, выбирать мебель и предметы домашнего обихода. Теперь это потеряло актуальность.

Доктор днем и ночью ломал голову, кто мог затаить на него злобу и воспылат жаждой мести. Голос человека, который угрожал ему расправой, до сих пор стоял у Оленина в ушах. Он не помнил этого голоса. Значит, злоумышленник – не из числа бывших или нынешних пациентов доктора. К тому же мужчины редко обращались за психологической помощью. В основном контингент Оленина составляли дамы.

«Тогда кто он? – гадал пострадавший. – Муж, любовник, брат или воздыхатель какой-нибудь пациентки? И за что возненавидел меня? Что он предпримет дальше? Новое избиение? Или на сей раз прикончит без лишних церемоний?»

Судя по голосу и силе ударов, нападавший был молод, крепок и не собирался сразу убивать доктора. Не то бы Оленин умер на месте. Незнакомый враг умел избивать так, чтобы не нанести серьезных увечий, зато вывести на время из строя. Какую цель он преследовал? Чего добивался? Хотел испугать доктора? Заставить уехать из города? Скрыться? Отказаться от практики? А может, психоаналитик стал жертвой какого-нибудь завистника или сумасшедшего?

Оленину хватило ума не заявлять в полицию. Его профессия требовала тишины и конфиденциальности. Шумиха вокруг его имени отпугнет пациентов. Кому захочется фигурировать в уголовном расследовании? А полицейские, как водится, начнут именно с окружения доктора, с его друзей, знакомых и клиентуры. Последнее являлось совершенно неприемлемым.

Доктор представил первый же вопрос, который задаст ему следователь: «Кого вы подозреваете в нападении на себя?»

Он никого не подозревал. Никого... и каждого. Любой мог желать ему зла и выместить на нем накопленную обиду. В своей врачебной практике Оленин не раз сталкивался с неудержимым стремлением наказать кого-то за свою неудавшуюся любовь, карьеру, за отсутствие денег, наконец. Человек склонен искать причины провалов не в себе, а в других.

«Выходит, ты сам виноват в том, что тебя избили! – посмеивался над ним внутренний критик. – Все горазды учить, но попробуй-ка сам применить к себе свою теорию!»

Оленин лежал, прикладывая к местам ушибов лед и примочки, пил обезболивающее и мучительно размышлял. Чем он навлек на себя чужой гнев? Мысли скакали с одного на другое... и неизменно возвращались к Айгюль.

Доктор любил использовать в сеансах так называемый «ассоциативный ряд». Он предлагал пациенту поискать связь между проблемой и, казалось бы, посторонними вещами, которые приходят на ум.

Что вам это напоминает?

Избиение в подъезде напоминало Оленину красавицу-пери, которая увлекала его в мир странных, порой жестоких эротических грез...

Неужели его неприятности связаны с Айгюль? Похоже на то. Ум может заблудиться в коридорах ложных заключений. Подсознание не ошибается.

Он вспомнил, как Айгюль рассказывала про Зобеиду... любимую жену шаха, которая в его отсутствие устраивала оргии и удовлетворяла свою неистовую страсть с муж-

чиной-рабом. Пациентка выкладывала такие подробности, что у доктора, привыкшего ко всему, уши горели.

В какой-то момент он начал ощущать себя как бы в середине описываемых событий, чуть ли не воочию наблюдая вакханалию, устроенную Зобеидой и ее распутными служанками. В разгар оргии, предупрежденный верным сановником, вернулся обманутый муж и застал...

Нетрудно догадаться, что он застал. Восточные правители умеют мстить. Всех участников вакханалии постигла изощренная смерть. Только на молодую жену не поднялась у шаха рука. Он не мог казнить ее... и медлил, глядя в ее подернутые любовной истомой глаза...

Обагранные кровью роскошные покои сераля, агонизирующие тела, которые недавно трепетали от наслаждения, еще сильнее возбуждали Зобеиду. Ее грудь волновалась, ее ноздри вдыхали запах гибели... Эрос и Танатос⁶ сплелись в невыразимом вожделении, невыносимом для слабой человеческой плоти...

«Давай же! Сделай это... – наступала на мужа Зобеида. – Убей меня! Вонзи в меня свой кинжал!»

Ее слова звучали жарко и двусмысленно. Шах попятился... Зобеида показалась ему прекрасной, словно птица, залетевшая в его дворец из райского сада. Он будто впервые увидел ее, постиг ее неутолимую женскую сущность, которая никогда не насытится. Казалось, если она коснется его, то обожжет...

«Не можешь? – захохотала Зобеида и приблизилась к мужу, показывая на убитого любовника. – Не можешь... А он смог бы! Он был лучше тебя! Теперь на его губах стынет поцелуй смерти... и я хочу испытать то же. Уста смерти слаще человеческих губ...»

На ее шее билась под тонкой кожей синеватая жилка, рот приоткрылся, волосы шелком струились по обнаженным плечам...

Все помутилось в голове владыки, пальцы дрогнули, кинжал выпал из них... и тут же, на лету, был подхвачен Зобеидой.

«Смотри! – простонала она, ударяя себя лезвием в грудь. – Теперь ты надо мной не властен...»

С этой фразой Айгюль полезла в сумочку, достала самый настоящий кинжал, молнией блеснувший в свете ламп, и...

Оленин оказался быстрее. Он бросился к ней, схватил за руку. Она смеялась, нарочито сопротивляясь и норовя прильнуть к нему всем своим разгоряченным телом. От нее пахло крепкими сладкими духами... ее волосы щекотали доктору лицо.

Кинжал был таким острым, что Айгюль порезалась. Она слизнула выступившую на ладони капельку крови и подняла на Оленина томный взор блудницы.

– Испугался?..

Они не переходили на «ты». Доктор считал это недопустимой фамильярностью. Однако он смолчал, едва переводя дух. Ему удалось отобрать у нее опасное оружие. Оленин с трудом успокоился.

– Впредь попрошу на мои сеансы приходить без колющих и режущих предметов, – твердо заявил он.

– Станете обыскивать мою сумочку? И меня?

Айгюль забавлялась его смятением и ничуть не стыдилась своей выходки.

– Хотите оставить кинжал себе? – В уголках ее губ пряталась язвительная усмешка.

– Нет, конечно...

⁶ Танатос – древнегреческий бог, олицетворение смерти. Сын Ночи и брат-близнец бога сна Гипноса.

Он с некоторой дрожью вернул ей оружие, стараясь сохранять спокойствие. Не хватало, чтобы она заметила его страх.

Тогда ему впервые пришла в голову мысль проследить за ней. Узнать о ней побольше. Может, она догадалась об этом? И решила наказать не в меру любопытного лекаря?

Оленин со вздохом посмотрел в зеркало. Отек вокруг глаз не сошел, ссадины не зажили. О том, чтобы в таком виде идти на работу, не могло быть и речи. Как минимум еще неделю ему придется побыть «на симпозиуме».

А потом? Как ему жить дальше? Уехать из Москвы? Нанять телохранителя?

Черный Лог

После завтрака Глория спустилась в мастерскую, посидела за столом, бездумно глядя на песочные часы, в которых пересыпался мелкий, как тысячелетняя пыль, песок. Казалось, она слышит шорох песчинок, напевающих заунывную песню вечности...

Карлик не зря пользовался только песочными часами: он вкладывал во все особый, понятный ему одному смысл. Хорошо бы и ей понять, почему он выбрал ее своей преемницей.

Пузатые кувшины, запечатанные «Сулеймановой печатью», возбуждали у Глории неумное любопытство. Неужели там, внутри, таится неведомая опасная сила, укрощенная и заключенная в медные сосуды? Что будет, если выпустить эту силу наружу? Сможет ли она обуздать ее и загнать обратно?

Кувшин с эмалевой вставкой в виде птицы казался Глории самым безобидным. Хотя и к нему она боялась прикасаться. Сулейман, «волею Всевышнего», получил власть над джиннами... а ей такой власти никто не давал. Она даже не знает, как вызвать обитателя кувшина, не говоря уже обо всем прочем.

На ум Глории приходил один и тот же кадр из старого детского фильма «Волшебная лампа Аладдина»: красивый юноша в чалме трет лампу, оттуда вырывается столб дыма... обретает форму человека и вопрошает, чего угодно обладателю лампы. Выслушав пожелание хозяина, джинн отвечает: «Слушаю и повинуюсь...» Дальше начинаются чудеса. Но ведь то сказка! А тут явь...

Должно быть, семь кувшинов на постаментах – остроумная шутка бывшего хозяина дома, которому было не чуждо чувство юмора.

Глория только вознамерилась углубиться в чтение «Тысячи и одной ночи», как в дверь постучал Санта.

– К вам гости, – зычно сообщил он. – Пускать?

– Кто?

– Пока неизвестно. Машина стоит за воротами, сигналит. Вам-то сюда не слышно.

Цокольное помещение, где карлик устроил мастерскую, было без окон, глухое и темное. Если потушить свет, оказываешься отрезанным от мира.

– Какая машина?

– Джип... сюда на другой не доберешься. Грунтовка раскисла. Разве что грузовик пройдет.

– Это не Лавров, часом?

Слуга сделал отрицательный жест:

– Чужой внедорожник. Похоже, «Туарег».

Санта, в отличие от хозяйки, хорошо разбирался в марках автомобилей.

– Гостей привечать надобно, – добавил он. – Если человек в распутицу сюда приехал, видать, у него важное дело.

– Тогда открывай ворота, – вздохнула Глория.

Она поднялась наверх, быстро переоделась в темный джемпер и шаровары, пригладила волосы и отправилась в каминный зал, где по заведенной Агафоном традиции принимали гостей.

В кресле сидела совсем молодая девушка, длинноволосая и длинноногая, в брюках-дудочках и ярко-зеленом гольфике. Она робко поздоровалась, комкая в руках ремешок сумочки.

– Мне нужен Агафон, – растерянно вымолвила она. – А вы кто?

– Агафон умер...

– Как умер? Дедушка дал мне его адрес. Деревня Черный Лог, крайний дом у леса... из красного кирпича...

– Все правильно, – подтвердила Глория, усаживаясь напротив. – Дом вы нашли, только хозяин скончался почти год назад.

Из глаз посетительницы, едва тронутых краской, полились слезы.

– Как же так? Дедушка мне сказал... он меня обнадежил...

– Может, я смогу заменить Агафона? – с улыбкой предложила Глория.

– А разве вы...

Девушка смешалась, вцепившись в ремешок сумки, словно утопающий, хватающийся за соломинку.

– А разве вы... – повторила она, лихорадочно подыскивая подходящее слово, которое не оскорбило бы хозяйку и в то же время выразило суть дела.

– Я занимаюсь тем же, что и Агафон, – пришла ей на выручку Глория.

– Да?..

В глазах гостьи мелькнули недоверие и страх. Она заехала черт знает куда... дом стоит на отшибе, вокруг ни души... только лес, слежавшийся снег и топкая грязь.

– Здесь вам нечего бояться, – мягко сказала Глория. – Никто не причинит вам вреда.

– Я не боюсь...

– Вы ведь не одна приехали?

– С водителем, – кивнула гостья. – Я не умею ездить за рулем. И могу заблудиться. Он сам еле дорогу отыскал.

– Видите, у вас есть защитник.

– Он остался в машине и ждет меня. Это водитель деда.

– Как вас зовут?

– Серафима... можно просто Сима... – нервно выпалила девушка.

Обстановка зала наводила на нее ужас – преобладание красных тонов напоминало ей свежую и запекшуюся кровь. Зев камина пугал беззубым черным оскалом. Чадающие ароматические палочки, зажженные Сантой, вызывали тошноту. Сима была слишком напряжена, слишком озабочена предстоящим разговором. То, что Агафон умер, показалось ей дурной приметой.

– Вы... такая же, как и он? – дрожащим голосом спросила гостья. – Я имею в виду... простите...

Девушка достала из сумочки бумажный платок и вытерла мокрое от слез лицо. Плакать ей расхотелось. Сейчас она думала о том, как выпутаться из щекотливого положения.

– Мой дед когда-то обращался к Агафону, и тот помог ему, – сказала она уже спокойнее. – Я тоже надеялась... Дед дал мне машину и сказал, чтобы я ехала в Черный Лог. У меня проблема...

– Необычного свойства? – подсказала Глория.

– Да... довольно необычного...

– Ваш дед неглупый человек.

– Что вы? Он очень умный. И богатый.

– Он не дал бы вам плохого совета.

– Он любит меня, – вздохнула Сима. – Я его единственная внучка. С мамой у них полный разлад.

– Из-за вашего отца?

Девушка подняла на Глорию удивленные глаза.

– Да. Как вы догадались?

– Я такая же, как Агафон, – вырвалось у нее.

Порой Глория поражалась, откуда берутся фразы, которые она произносит. Не успела подумать, а ответ готов. Но так происходило не всегда.

Сима по-другому посмотрела вокруг. Каминный зал теперь показался ей куда гостеприимнее. Вишневые шторы и мебель красного бархата придавали просторной комнате уют, а запах индийский курений оказался приятным. Чего она так нервничала? Хозяйка дома – вежливая улыбчивая особа, совершенно не похожая на колдунью. Дед предупреждал ее, что Агафон имеет ужасную внешность, проще говоря, он урод. А эта дама выглядит красивой...

Сима осмелела и успокоилась. Она ничего не потеряет, если расскажет даме о своих проблемах. Деньги у нее есть, чтобы заплатить за услуги: дед снабдил. Сумма приличная, но счастье внучки того стоило. У матери Сима даже не просила. Той негде взять такие бабки. С дедом они давно горшки побили, еще до рождения Симы. Мама к нему ни ногой, и тот держит характер, не общается с дочерью. Пусть живет со своим музыкантом, раз вышла за него без отцовского благословения.

– Не понимаю, как мама могла выйти за такого недотепу и лентяя?

– Вы недолюбливаете своего отца? – спросила Глория.

– Я его с трудом терплю. Ради мамы. Ей несладко приходится. Дед отлучил ее от себя, ни рубля не дает. Из-за нее и я страдаю.

– Вам тоже не перепадает?

– Дедушка не жадный, – смутилась Сима. – Он принципиальный. Меня не балует, потому что деньги портят детей. Так он считает. Он хочет, чтобы я сама встала на ноги и научилась зарабатывать себе на жизнь. Но когда нужно, он не отказывает.

– Что вы решили, Сима? Доверитесь мне... или не рискнете?

– Пожалуй, рискну...

Глава 6

Москва

Оленин не мог уснуть без снотворного. По ночам его мучили кошмары. Днем болела голова, глаза слезились от яркого света. Он не подходил к домашнему телефону, отключил сотовый. Ощущал себя моллюском в раковине, которого поджидает голодный хищник. Только высунешь нос, и тебе конец.

Как врач он отдавал себе отчет, что страдает от последствий стресса. Типичные симптомы нервного расстройства, которые можно снять таблетками. Но Юрий Павлович был ярким противником транквилизаторов. Он отказывался выписывать их пациентам. Принимать их самому казалось кощунством по отношению к собственным убеждениям и профессиональной этике.

Оленин по опыту знал, что симптомы рано или поздно пройдут, «осядут», и к нему вернется прежнее расположение духа. Но только до поры до времени... Гулкая темнота подъезда; мужской голос, похожий на голос его врага; незнакомый человек в переулке, – любая мелочь может вновь всколыхнуть пережитое, вызвать боль, страх и депрессию. И что? Опять транквилизаторы? Подсесть на них проще простого, а вот как избавиться от навязчивого состояния, вызванного стрессом?

«Ты же не раз помогал пациентам справиться с подобной проблемой, – посмеивался над ним внутренний критик. – Что же теперь? Испробуй свой метод на себе, доктор. Исцели себя!»

Оленин принялся копаться в себе, ища истоки своего страха, корни душевного кризиса. Не только в нападении дело...

– В крайнем случае найму охранника, – пробормотал он. – Или плюну на все, закрою практику. Займусь преподаванием. Меня давно зовут.

Можно было заявить-таки в прокуратуру, уехать на время, махнуть за кордон... засесть за книгу, которая почти созрела. Он перебрал много вариантов, и ни один не удовлетворял его полностью.

Никто не станет всерьез искать преступника, который еще ничего непоправимого не совершил. Он даже не нанес Оленину тяжелых травм. Так, поколотил для остротки. Угрожал? А кому не угрожают? Пьяный муж через день грозит убить сварливую супругу. Ревнивый любовник клянется застрелить соперника. Истеричный подросток обещает покончить с собой... Из тысяч, миллионов угроз осуществляется ничтожно малая толика. И слава Богу!

Оленин не считал себя трусом. Но стычка в парадном выбила его из колеи, погрузила в прострацию. Он чувствовал: за этим кроется не просто желание припугнуть, а нечто более значительное и зловещее.

«Вряд ли это можно назвать стычкой! – не преминул съязвить критик. – Ты свалился на пол, как мешок, и позволил бить себя ногами. Где же твоя хваленая выучка? Зачем ты посещал секцию бокса, если не сумел дать отпор, когда на тебя напали?»

«Неожиданный удар по голове вывел меня из строя, – пытался оправдываться Оленин. – И потом, я давно забросил тренировки. Выходит, зря. Надо было продолжать».

«Лопухнулся ты, дружище! – Его второе „Я“ потешалось над ним, хихикало и злорадствовало. – Надеяться на кулаки глупо. Еще глупее делать ставку на бегство. Куда бежать? От кого? Как спрятаться от неизвестности?»

Оленин тяжело вздыхал, ворочаясь на своей широкой кровати из натурального дерева. Он привык к комфорту, изнежил свое тело, забыл, что он мужчина.

Бокс, к сожалению, остался в прошлом, как и вообще спорт. Однажды Оленин пришел к выводу, что «против лома нет приема». Существуют разные способы вывести человека из игры. Пуля, например, гораздо эффективнее кулака.

Безопасности не существует. Гарантии отсутствуют. Это не более чем иллюзия, которой тешит себя современное общество. Безопасности никогда не существовало. Даже во времена динозавров.

Цивилизованность – хрупкая скорлупка, которая дает трещину от серьезного потрясения. И из этой трещины вылезает Чикатило или Джек-потрошитель...

Оленин слышал тиканье часов, назойливые звуки болезненно отдавались в его мозг. Сойти с ума проще, чем многие думают. От здравомыслия до безумия всего один шаг...

В общем, профессия сделала Оленина циником и скептиком. Он подцепил микроб меланхолии и порой ловил себя на бредовых идеях. Впрочем, та же профессия помогала ему быстро восстанавливаться и возвращать себе душевное равновесие.

В спальне стоял желтоватый полумрак. Сквозь лимонные шторы пробивалось солнце. Город ждал весны, а та заблудилась где-то на подходе.

Весной душевные недуги обычно обостряются. Неужели в лице Айгюль Оленин имеет дело с тяжелым случаем безумия? Почему его подсознание упорно связывает избиеание в подъезде с этой восточной пери? Неисповедимы пути ассоциативного мышления... но они ведут к истине, как бы глубоко та ни была запрятана.

Айгюль богата... по крайней мере у нее достаточно средств, чтобы нанять исполнителя для своих садистских фантазий. Она решила проверить доктора на прочность? Пощекотать ему нервишки? А заодно и себе?

Скорее всего, она такая же Айгюль, как он – китайский император. Однако он не вправе требовать от нее назвать свое настоящее имя или предъявить документы. Да и что они дадут? Фамилия, паспорт... по ним диагноз не поставишь.

Оленин бесцельно скользил взглядом по кремовым стенам и остановился на заказном полотне. Знакомый художник попросил немалую сумму за копию с портрета Иды Рубинштейн. Но Оленин не жалел, что заплатил. Обнаженная Ида была изумительна, великолепна... Копиист использовал матовую темперу⁷, как и Серов, посчитавший пошлым блеск масляных красок для изображения такой модели, как Ида. Несколько мазков маслом он добавил только в перстни, украшающие пальцы на ее руках и ногах. Изящные удлиненные кисти, узкие ступни, бездонный взгляд иудейской принцессы, кровавый рот. Чудовищная спина Иды была совершенна и напоминала вечные линии древнеегипетских росписей...

Оленин ощутил смутное томление. Что еще напоминала ему Ида Рубинштейн? Начало двадцатого века, Дягилевские сезоны в Париже... Русский балет... «Шехерезада», где Рубинштейн танцевала Зобеиду, распутную жену шаха...

«Шехерезада» стала гвоздем сезона! Чего Дягилев не ожидал. Столица Франции упала к ногам Иды, как роскошный букет цветов, которыми щедро осыпали ее поклонники... Чувственная нега Востока, утонченная эротика, неприкрытая, не облагороженная этикетом страсть хлынула со сцены и затопила сердца холодноватых европейцев. Всему виной была Ида Рубинштейн с ее нечеловеческой красотой и невероятной пластикой, словно заимствованной из прадавних мистерий...

⁷ Темпера – минеральные краски, тертые на яичном желтке, жидком клее, меде и иных эмульсиях. Употреблялись в живописи до масляных красок, в новейшее время вновь вошли в употребление в несколько измененном составе.

Доктор замер, забыв о головной боли и раздражающем тиканье часов. Ида исполняла партию Зобеиды... Зобеида! Которую не смог убить обманутый муж и которая сама зарезалась на его глазах...

Оленин был образованным человеком, не чуждым искусства. Изысканная эпоха модерна, предвещающая великий перелом – Первую мировую войну и Октябрьскую революцию, – являлась его любимым временем, когда стиль и эстетика выражали прежде всего пышное увядание, надлом и упадок, закат. Так осенняя природа напоследок дарит глазам и сердцу ослепительную и тревожную палитру красок, где золото и багрянец уже чувствуют ледяное дыхание зимы...

– Зобеида... – прошептал доктор. – Она рассказывала мне о Зобеиде! О том, как страсть порождает смерть... и наоборот...

Она – это Айгюль. Женщина не его мечты. Она пришла, чтобы...

Кажется, он что-то нащупал. Айгюль – Зобеида – страсть – смерть – Ида Рубинштейн – Шехерезада...

По свидетельствам очевидцев, в парижском особняке Иды гостиную «украшали» пыточные инструменты из Сенегала, самурайские мечи...

– Боже... – выдохнул Оленин. – Боже мой!..

Черный Лог

Сима приободрилась. «Колдунья» оказалась совсем не страшной, а даже любезной и гостеприимной. Ее громадный слуга с белоснежной, как у Санта-Клауса, шевелюрой накрыл стол к чаю. Его так и звали – Санта!

Сима обожала домашние пирожки, а Санта принес целую тарелку ее любимых пирожков с повидлом.

– Угощайтесь, барышня, – добродушно потчевал он гостью. – Я сам их испек. К вашему приезду.

Вопрос, откуда слуга узнал о ее приезде, застрял у Симы на языке. Этим людям положено все знать наперед, они ведь имеют дело с нечистой силой... Но и пресловутая «нечистая сила» перестала вызывать у нее суеверный ужас. Вишневые шторы уже казались стильным дополнением к интерьеру, камин перестал пугать, и Сима разглядывала окружающую обстановку не со страхом, а с интересом. «Назвался груздем – полезай в кузов!» – так напутствовал ее дед, провожая к машине. Раз уж она отважилась приехать сюда, нечего строить из себя праведницу.

Сима оттаяла, отчасти освоилась в новой для себя обстановке, прониклась симпатией и доверием к хозяйке дома, которую звали Глория.

– У меня серьезная проблема, – призналась Сима. – Не знаю, сумеете ли вы с ней справиться.

– Я попробую...

– Понимаете, я влюбилась, первый раз в жизни. Жутко влюбилась!

– А он не отвечает вам взаимностью, – высказала Глория то, что стеснялась вымолвить гостю.

– Да...

– Он старше вас.

– Да, – кивнула девушка, откладывая в сторону недоеденный пирожок. – Откуда вы знаете?

«Нетрудно догадаться, – подумала про себя Глория. – Трагедия неразделенной любви обычно написана на лице страдальницы огненными знаками. Предмет безответной страсти

наверняка кажется недостижимым и занимает более высокое положение. Скорее всего, это начальник...»

Карлик, который незримо присутствовал при разговоре, беззвучно похлопал ей в ладоши. Дескать, молодец, преемница! Пока все идет хорошо. Давай дерзай... люди не только научились горшки обжигать, но и прочее божественное им не чуждо. Стоит настроиться на правильную волну, и сведения потекут рекой – успевай только толковать.

Глория с трудом оторвала взгляд от того места, где он «сидел». Она устала от своих сомнений и просто воспринимала фантом бывшего хозяина дома как нечто само собой разумеющееся. Она устала гадать, существует ли он на самом деле или является игрой ее воображения. Во всяком случае, Глория его «видела» и «слышала», в отличие от всех остальных. Порой он давал дельные советы, которыми она пользовалась.

– Вы можете... приворожить мужчину? – сделав над собой усилие, спросила Сима.

Глория улыбнулась, вспоминая свою первую любовь.

– Вы красивая девушка, – сказала она. – И без всяких приворотов привлекаете внимание мужчин.

– Только не его! Он... даже не смотрит на меня. Вернее, смотрит, конечно... но по работе. Когда дает мне указания или отчитывает.

«Она находится у него в подчинении, – похвалила себя Глория за догадливость. – Он ее босс!»

– Он не такой, как все... – пробормотала Сима. – К нему ходит много молодых богатых женщин... и каждая не прочь переспать с ним!

С этими словами она залилась краской, так что ее веснушки утонули в горячем румянце.

– Вы влюблены в человека, у которого работаете? Он врач?

Глория действовала методом «тыка» и часто попадала в цель. Она чуть не ляпнула: «Гинеколог?» Вовремя спохватилась. Никогда нельзя спешить. Спешка – признак дилетанта. Профессионал не торопится... он исполнен достоинства, взвешивает каждую фразу и каждый жест.

– Он психоаналитик, – кивнула Сима, еще больше уверовав в ясновидение собеседницы. – Занимается частной практикой. Известный в городе специалист. Юрий Оленин. Может, слышали?

Глория покачала головой. Модное нынче увлечение психоанализом, навеянное американскими фильмами, ее не коснулось.

– Ну да... вам это ни к чему, – пробормотала девушка.

Она действительно была хороша – Глория не кривила душой, делая ей комплимент. Стройная, гибкая, длинноногая, с высокой грудью, в самом расцвете молодости; милое личико обрамляет копна пшеничных волос. Еще не утратила стеснительность и говорит на нормальном языке, без примеси жаргона. Одета по современному, но не вызывающе.

– Я работаю у Оленина ассистенткой, – объяснила Сима. – Веду журнал посещений, отвечаю на телефонные звонки. У меня мало обязанностей, а зарплата большая. Мне повезло, что он взял меня к себе.

– Оленин холостяк... – задумчиво произнесла Глория.

– Вы как в воду смотрите! – обрадовалась гостья.

– С его профессией нелегко выбрать спутницу жизни.

– Наверное... Он видит людей насквозь.

«Насквозь никто не видит, – мысленно возразила ей Глория. – Даже Агафон, пожалуй, видел многое, но не все...»

– В чем же заключается ваша просьба? – спросила она девушку.

– Я хочу... существуют любовные заговоры... Я читала об этом. Я даже сама пробовала... но у меня ничего не получилось.

– Вы пришли за приворотным зельем? – усмехнулась Глория.

Сима мучительно, до слез, покраснела.

– Это ведь большой грех – прибегать к колдовству? – выдавила она. – Но потом... я надеюсь, что отмолю! Схожу в церковь, покаюсь, и...

– Вы можете заплатить за это не только деньгами. Пользоваться приворотом опасно.

– Я знаю! Я жутко боюсь! Но... как же мне быть? Если нельзя приворожить его, то хотя бы сделайте так, чтобы он стал мне противен.

«Бедная глупышка, – думала Глория, глядя на девушку. – Ей дали денег, чтобы она купила любовь... пусть даже ценой душевных терзаний. Она не сможет забыть, что принудила мужчину к ответному чувству. Хотя... какое это чувство? Наваждение, которое он будет стремиться сбросить с себя, как липкую паутину. Она достойна лучшего. У нее наверняка есть поклонники помоложе...»

– У вас есть парень. Почему бы вам не переключиться на него?

– Олег, что ли? – взмахнула ресницами Сима. – Скажете тоже! Мне с ним скучно... Он говорит только о своем бизнесе. У него доля в ночном клубе для молодежи. Он сутками торчит там. У него на уме одни танцы, выпивка и девочки. И вообще... он бывший бандит.

– А доктор – интеллигентный человек, увлекается искусством, с ним можно побеседовать на любую тему... он тонко чувствует и улавливает нюансы женского настроения.

– Да...

«Еще бы, – мысленно продолжила Глория. – Именно женщины составляют его практику, и он давно выработал индивидуальный подход к каждой пациентке. Прежде всего он их очаровывает, а потом уже лечит. Если это можно назвать лечением. Не мудрено, что он очаровал и свою неопытную ассистентку! Он еще не стар, но уже вошел в пору зрелости...»

– Сколько Оленину лет? Тридцать пять... тридцать шесть...

– Тридцать четыре, – поправила ее Сима. – Вы почти угадали.

«Это проще, чем кажется», – чуть не вырвалось у Глории.

– Вы еще молоды... – сказала она вслух. – У вас все впереди. Вы еще встретите человека, который сделает вас счастливой.

– Мне нужен Юрий Павлович, – проявила упрямство гостя. – Я люблю его! А с Олегом мы вместе росли... он был старше и дразнил меня «конопатою жирафой». Я боялась выйти во двор из-за этого паразита! Теперь он вздумал жениться на мне. Соблазняет деньгами. Придумывает всякие небылицы про доктора. Шиш!

– Вы ему не верите?

– Кому? Олегу? Да он все врет! Кто он против Юрия Павловича? Ноль без палочки. И клуб этот его на бандитские деньги создан. Олег совсем сбрендил! Такое несет, аж уши вянут...

Сима разошлась. Глории пришлось выслушать много критики в адрес Олега и восторженные дифирамбы в адрес доктора.

– Значит, ваше решение окончательное? Приворотное зелье? – дождавшись паузы, спросила она.

Сима вдруг притихла и оробела.

– А... что с ним делать, с зельем? В еду подсыпать? Так мы... вместе не едим. Может, в чай подлить? Юрий Павлович не отравится?

– Хуже! – жестко отчеканила Глория. – Он потеряет свою волю, попадет под чужое влияние. Вам его не жаль? Принудительная любовь – штука горькая.

– Принудительная? – совершенно растерялась девушка.

Она машинально теребила бумажный платок, пока не изорвала его на мелкие клочки и не рассыпала по коврику.

– Ой... извините. Я такая недотепа... недавно зеркальце разбила. Это жутко плохая примета, да? С Юрием Павловичем ведь ничего не случится? Он полетел на симпозиум... а самолеты иногда падают...

Перед Глорией внезапно, без всякого повода, возникла картина – полутемная комната, лежащий на кровати человек... мужчина... он прикладывает к лицу компресс...

– А ваш доктор, часом, не заболел?

– Не-е-ет! – удивленно изогнула подкрашенные бровки Сима. – Я же говорю, он на симпозиуме...

– Сдается мне, он дома. Здесь, в Москве.

– Да вы что? Он сеансы отменил... я сама пациенткам перезванивала. Не всем, правда. У нас гарантируется полная анонимность лечения. Некоторые даже телефона не дают. Так что я объявление на дверях повесила, что Юрия Павловича до конца недели не будет.

Глория промолчала. Симе виднее, где ее работодатель – на симпозиуме или в своей московской квартире.

Однако ее предположение заронило в голову Симы зерна сомнения. Звонок Оленина по сотовому смахивал на местный – она вспомнила, что на дисплее не высветился код другой страны. Хотя, возможно, доктор звонил ей из аэропорта, перед рейсом...

Девушка тоже молчала, обдумывая услышанное. *Принудительная* любовь покорила ее, заставила посмотреть на ситуацию под иным углом.

– Вы можете сделать так, чтобы Оленин... чтобы я перестала любить его? Если существует приворот, должен быть и «отворот».

– Нельзя купить любовь, нельзя и откупиться от любви! – отрезала Глория.

Гостья, казалось, не поняла ее.

– Я вам заплачу. Дедушка дал мне много денег. Он так и сказал: «Посоветуйся с Агафоном, внука. Он растолкует, что в книге судеб про тебя написано... И средство даст для исцеления души». А где эта книга судеб? Вы по ней читать умеете?

– Нет такой книги.

– Вы же обещали помочь... – расстроилась Сима.

– Я не отказываюсь от своих слов. Расскажите мне все, тогда и решим, как быть.

Карлик застыл в своем углу, словно изваяние. Он не делал никаких знаков, не гримасничал, не подсказывал. Наблюдал, как Глория будет выпутываться.

Она размышляла о «книге судеб». Неужели ничего нельзя изменить? В таком случае лучше туда не заглядывать. Особенно молодым девушкам.

Ее посетило кошмарное видение: синее лицо... размазанная губная помада... веревка на шее... Неужели ни одной страницы из книги судеб не вырвать, не переписать заново?..

– Я все рассказала, – заявила между тем ассистентка доктора Оленина.

– А что у вас в сумочке?

– Косметика, кошелек... ключи от офиса...

«Она устраивает мне экзамен, – догадалась Глория. – Прикидывается простушкой. На самом деле наша с ней предыдущая беседа – всего лишь прелюдия к главному...»

– Я полагаю, вы мне кое-что принесли показать, – сказала она, руководствуясь внутренним импульсом. – Не так ли?

– Вы в самом деле... колдунья...

– Я бы не употребляла этого слова. Называйте меня Глория.

– Да, конечно, – смутилась девушка. – Я хотела проверить...

– Ну и как? Гожусь я на ту роль, которую должен был сыграть Агафон?

Сима отвела глаза и кивнула, испытывая неловкость.

– Я действительно принесла вам показать одну вещь... – Она полезла в сумочку и достала оттуда компьютерный диск в коробочке. – Это оставила для Оленина одна пациентка. Просила передать.

– Но поскольку доктор на симпозиуме... вы не удержались и...

Девушка держала коробочку в руке, не решаясь отдать ее Глории. Она обвела взглядом каминный зал в поисках приспособления для просмотра диска.

– Я поступила отвратительно, – призналась она. – Юрий Павлович доверяет мне, а я... Мне не следовало любопытничать. Если он узнает, то уволит меня.

– Вы просмотрели диск?

Она опустила голову в знак согласия.

– Я не должна была этого делать. Но та женщина, Айгюль, мне кажется, открыто соблазняет доктора. Она задалась целью стать его любовницей. Я, оказывается, жутко ревнивая! Я ломала голову, что может быть записано на диске. Неужто стриптиз какой-нибудь? Танец живота с раздеванием? У этой Айгюль ни стыда, ни совести...

– Вы подслушиваете во время сеансов?

– Нет! Хотя... что греха таить... я пыталась. Дверь плотно пригнана, и звукоизоляция в кабинете Юрия Павловича такая, что ничего не услышишь. Но... посмотрели бы вы на Айгюль! Тут и подслушивать не надо. Она же... – Сима махнула рукой и протянула Глории коробочку с диском. – Сами можете убедиться. Я ничего не выдумываю! Она нарочно принесла диск... а доктора не оказалось.

– Вы ее не предупредили об отмене сеанса?

– Я не могла. Айгюль не давала своего телефона. Она шифруется. Имеет право. Юрий Павлович сам завел такой порядок.

– Вы предложили ей оставить диск в приемной?

– Не совсем... Я только сообщила, что доктор на симпозиуме. Она покрутилась... потом достала диск и спрашивает: «Можете передать это Оленину, когда он вернется?» Я согласилась. Она добавила, что уезжает отдыхать, поэтому на сеансы пока ходить не будет. Я записала все в журнал, как положено. Айгюль положила диск мне на стол, попрощалась и ушла...

– Больше вы ее не видели?

– С того дня нет.

– Что на диске?

– Давайте вместе посмотрим, – предложила Сима. – У вас есть компьютер?

– Ноутбук, – кивнула Глория.

– Вы меня осуждаете? – спросила девушка, не глядя на собеседницу. – Я не должна была открывать этот диск, но... меня просто подмывало узнать, что принесла Айгюль. Я не удержалась! Обстоятельства как будто сами подталкивали меня к этому. Доктор уехал, диск лежал в ящике моего стола... я постоянно думала, что на нем записано...

– Мы, женщины, унаследовали любопытство от нашей прародительницы, – улыбнулась Глория. – От Евы. Оно сидит у нас в генах. Зачем сопротивляться собственной сути? Я бы на вашем месте поступила так же.

– Да?

Сима с явным облегчением вздохнула и перестала кусать губы, складка на ее лбу разгладилась.

Глория попросила Санту принести ноутбук и вставила диск в дисковод...

Глава 7

Конец XIX века, Харьков

Банкирский дом «Роман Рубинштейн и сыновья» давал кредиты под залог недвижимости и драгоценностей. К его услугам прибегали как представители аристократических фамилий, так и купцы, заводчики и фабриканты.

После смерти основателя, сколотившего капитал на торговле ценными бумагами, его сыновья – Лев и Адольф – значительно приумножили отцовское состояние. Они занялись оптовыми закупками сахара. Братьям принадлежали уже несколько банков, сахарные и пивоваренные заводы. В делах они по-прежнему придерживались правил, установленных Романом Рубинштейном, благодаря чему их коммерция процветала, а капиталы росли как на дрожжах.

Рубинштейны стали баснословно богаты. Они тратили большие суммы на благотворительность и не скупились, когда речь шла об искусстве. Блестяще образованные Лев и Адольф знали толк в живописи и музыке, любили поэзию и театр. Нередко в их домах устраивались вечеринки с импровизированными концертами, в которых принимали участие известные музыканты и артисты.

Вот и сегодня они собрались послушать молодого, подающего надежды пианиста. Адольф предложил выделить деньги на его обучение в Петербургской консерватории.

– Я не против, – согласился Лев. – Папа, думаю, тоже не стал бы возражать.

Основатель банкирского дома Рубинштейнов сурово взирал на своих отпрысков с портрета, висевшего в его бывшем кабинете. Сыновья оставили здесь почти все, как было при отце. Только обновили обивку мебели и заменили несколько деревянных панелей, источенных жуком.

– Как твоя жена? Поправляется? – спросил Адольф.

– Медленно, – вздохнул брат. – Доктора пугают нас, советуют ехать за границу на лечение. Но Эрнестина слышать об этом не хочет. Она обожает наш дом и сад – ей здесь легко дышится.

После рождения дочери жена Льва совсем расхворалась. Жаловалась на боли в груди, меланхолию и несварение желудка. Она исхудала, перестала делать визиты и принимала у себя только самых близких.

– Ида растет, а Эрнестина тает, – с горечью посетовал Лев. – Просто не знаю, как быть. Пригласил светило медицины из Москвы, погостить и заодно обследовать жену. Жду, надеюсь. Выслал ему аванс в счет консультации и неудобств, связанных с переездом.

– Крепись. Наша мать тоже не отличалась железным здоровьем. Помнишь ее вечные недомогания и запах камфары в спальне?

Брат кивнул.

– Я боюсь потерять Эрнестину... – признался он. – Меня гложет постоянная тревога. Не дай бог с ней что-нибудь случится.

– Может, отменим вечеринку?

– Нет, что ты! Жена хоть немного отвлечется... она так любит домашние концерты.

– Ты прав. Ей будет приятно...

Лев молчал, постукивая пальцами по мраморной столешнице.

– Тебя еще что-то тревожит?

– Понимаешь, тут такое дело... – Он нахмурился и поднял глаза на Адольфа. – Один заемщик заявил о своем банкротстве. Он не сможет вернуть кредит.

– Кто?

Лев назвал фамилию, которая ни о чем не говорила брату.

– Мелкий торговец, который взял деньги на строительство лесопилки.

– Всего-то?

– Урон невелик...

Лев чего-то не договаривал. Он встал и полез в сейф, встроенный внутри шкафа с тяжелыми деревянными дверками. Звякнул ключ. Банкир повернулся и водрузил на стол темную, ничем не примечательную шкатулку. В таких пожилые дамы обычно хранят наперстки, нитки и булавки.

Адольф с недоумением уставился на шкатулку.

– Ну, что здесь? Фамильные бриллианты лесопильщика?

Лев остался серьезным.

– Не совсем... Эту вещь заемщик предложил мне в обмен на долг. Я беру шкатулку, и наш банк считает кредит возмещенным.

– Ты шутишь? – улыбнулся Адольф. – Шкатулка копеечная. Еще и выдавая виды. Где сей несостоятельный господин хранил ее? На чердаке? Или в дровяном сарае? Она вся в царапинах, потрескалась.

– Ценность заключается не в самой шкатулке, а в ее содержимом.

Адольф потянулся к шкатулке, но Лев накрыл ее ладонью, опередив брата.

– Я хочу взглянуть, что там внутри...

– Не торопись. Сначала выслушай.

Из двух братьев Лев слыл более увлекающейся и романтической натурой. Он был подвержен приступам неумеренной щедрости, которые сменялись неоправданной скупостью. Словно стремился компенсировать собственную расточительность бережливостью. Похоже, он поддался на мольбы несчастного банкрота и сжалился над ним. А теперь пытается убедить Адольфа в своей правоте.

– Раз ты решил простить клиенту долг, так тому и быть, – сказал тот. – Рубинштейны от этого не обеднеют.

– Ты не понял... – вздохнул Лев. – В этой шкатулке – величайшая ценность!

– Какая?

– Помнишь блюдо, которое ты купил на аукционе во Франкфурте?

– Я приобрел там много посуды...

– Декоративное блюдо, резное и позолоченное, со сценой пира, – объяснил Лев. – Ты еще подарил его Эрнестине.

– А! Твоя жена пришла в восторг от блюда, – кивнул брат. – Разумеется, я тут же преподнес ей понравившуюся вещь. На блюде изображен пир у царя Ирода.

– Жена поставила блюдо на видное место в зале. Один из наших гостей, знаток религиозных сюжетов, рассказал Эрнестине историю сего рокового сборища... Девушка, которая кружится в танце, развлекая пирующих, – это Саломея. Падчерица тетрарха⁸ Галилеи. Либо его внучка. Родственные связи древних невероятно запутаны.

– Ты не знал? – удивился Адольф. – Разумеется, на пиру танцует Саломея.

– Скажи, чем художников так привлекает ее образ? Многие изображали Саломею на своих полотнах, на фресках и даже на барельефах. Донателло, Верроккьо, Боттичелли,

⁸ Тетрарх – правитель тетрархии: в Древнем Риме так называлась провинция, разделенная на четыре военно-административных округа.

Караваджо, Рубенс, Рембрандт... Великие имена! Признанные гении. Что они пытались выразить?

– Вероятно... в Саломее соединились красота и жестокость. Порок, заключенный в чудесную оболочку. Великолепное, роскошное зло. Саломея – демон-искуситель в женском облике...

Лев Рубинштейн продолжал держать ладонь на крышке шкатулки, Адольф же терялся в догадках, что там, внутри.

– Она потребовала в награду за свой танец голову пророка Иоханаана, – добавил Лев. – Иначе говоря, Иоанна Крестителя.

– Ну да... так написано в Евангелии. Ты сомневаешься?

– Кто я такой, чтобы подвергать сомнению Священное Писание?

Терпение Адольфа иссякло:

– Открой же шкатулку. Ты меня заинтриговал. Раз ты заговорил о Саломее... Что там может быть внутри? Волосы пророка? Кусочек рубища с засохшей кровью? Боюсь, тебя обвели вокруг пальца, Лева. Мошенник выдал за святыню обычную подделку.

– Разве ты не чувствуешь?

– Что? Что я должен чувствовать, скажи на милость?

Лев, не отпуская крышки шкатулки, повел свободной рукой в воздухе.

– Ее дыхания... запаха благовоний, которыми она натерла свое тело перед выступлением...

– Кого?

Адольф невольно потянул носом. Ему в самом деле показалось, что он ощущает слабый аромат мускуса и амбры...

– Ты, право, слишком увлекся. И меня увлек! – рассердился он на брата. – Хватит загадок. Покажи мне свое приобретение. Если это клочок волос, будь уверен, что хитрый лесопильщик обманул тебя. Он выстриг собственную прядь. Или запачкал обрывок рогожи бычьей кровью.

– Это не волосы, брат. И не кровь. Это... Не представляю, как он мог расстаться с реликвией...

– Да что там, в конце концов?

Адольф встал и наклонился над шкатулкой. Запах амбры и мускуса усилился. Брат убрал ладонь, и шкатулка осталась стоять – темная и древняя, как Ковчег Завета.

– Ковчег был золотым, если мне не изменяет память, – растерянно пробормотал Адольф, не решаясь прикоснуться к шкатулке. – Лева, открой ее...

– Изволь...

Черный Лог. Наше время

То, что появилось на экране ноутбука, поразило Глорию своеобразной пластикой, страстью и мрачной изысканностью. Она переживала то же, что переживала Сима, впервые просматривая запись, – возбужденное восхищение.

Перед зрителем открывалась древняя библейская ночь, полная желтого света луны и жажды наслаждений. В этой ночи вдруг ослепительно вспыхнула звезда – феерическим вращением развевающихся покрывал, блесток и прозрачных вуалей. Звездой оказалась... женщина, с ног до головы укутанная в яркие ослепительные материи. Каждый поворот ее головы, каждая поза и жест были выверены с графической точностью. В них сквозили чувственная нега Востока, затаенная порочность и роковая неудержимость, влекущая к гибели...

Танцовщица сбрасывала с себя покров за покровом. Все ее разноцветные накидки оставались лежать на полу, словно крылья тропических бабочек. Когда последнее покрывало соскользнуло вниз под томительно-протяжный вздох струнных... на женщине сверкали только длинные нити кроваво-красных бус...

Она медленно повернулась спиной и замерла. В изгибе ее шеи, в повороте головы, в каждой линии ее совершенного тела угадывалась сладостная истома неутоленного желания...

Глория не сразу заметила, что бархатная ночь и золотая луна – всего лишь умело подсвеченные электрическими лампами декорации.

– Это она... Айгюль... – шепотом сообщила Сима. – Я узнала ее со второго раза. Лицо сильно накрашено. Белое, как сметана. Глаза угольные, а губы – словно в крови.

– Почему вы шепчете?

– Не знаю... Она вызывает у меня страх. А у вас?

Глория пожала плечами. Танец произвел на нее тягостное впечатление. Он дышал смертью...

– Как вы думаете, зачем она принесла доктору этот диск? – уже громче спросила девушка. – Решила соблазнить его? Приехала из какого-нибудь Глуходонска в поисках мужа-москвича?

Глория была уверена в одном – танец очевидно и неоспоримо имеет подтекст. Но какой?

– Вы что-нибудь понимаете? – вздохнула Сима.

– Мне нужно время. Могу я скопировать этот диск?

Посетительница замялась.

– Наверное, это неправильно... Я нарушаю врачебную тайну.

– Положим, тайну вы уже нарушили.

– Оленин меня уволит, если узнает.

– Не узнает!

Глория предоставила девушке решать, верить ее словам или нет. Та колебалась, не хотела рисковать. Однако не зря же она тащилась в такую даль? Какой-то результат должен быть.

– Ладно... но только...

– Дайте мне пару дней, и я постараюсь разгадать смысл этого танца.

– Хорошо, – кивнула Сима, чувствуя себя предательницей. Не по отношению к Айгюль, а по отношению к доктору, которого она боготворила.

Глория защелкала по клавиатуре, перебрасывая содержание диска на винчестер.

– Готово...

– Видите, как все сложно, – пожаловалась девушка. – У Оленина столько поклонниц. Куда мне с ними тягаться? Танцевать я не умею, и внешность у меня... обыкновенная. Такими, как я, Москва кишмя кишит.

– Вы себя недооцениваете, Сима. Нельзя сдаваться еще до поединка.

– Карташин меня донимает. Замуж зовет... золотые горы сулит. Жених выискался! Он такую чушь придумал про Юрия Павловича... вы себе не представляете!

Безжизненное девичье тело с веревкой на шее опять возникло в сознании Глории...

– Что приписывает доктору ваш жених? – спросила она. – Уж не убийства ли?

Сима вздрогнула, в ее глазах мелькнул ужас.

– Откуда вы?.. ах, да... Значит, это...

– Ничего это пока не значит, – успокоила ее Глория. – Кроме наличия богатого воображения у вашего жениха. Итак, что он говорил вам про Оленина?

Сима потянулась за остывшим чаем. Аппетит у нее пропал, и вид сладких пирожков вызвал приступ тошноты. Она схватилась за горло.

Этот жест сказал Глории о многом. Предчувствие смерти – еще не смерть, но уже ее приближение. Она где-то рядом... реет в сумеречной тени, пряча свой лик до роковой минуты. Можно ли предотвратить ее? Ускользнуть от ее всевидящего ока? Сима так молода...

– Он... он... – Голос девушки охрип и срывался от охватившего ее волнения. – Это не может быть правдой!

– Позвольте мне судить, где правда, а где ложь.

– Олег нарочно наговаривает на Юрия Павловича. Чтобы испугать меня!

– Он чувствует в докторе соперника?

– Думаю, да... иначе зачем ему нести всю эту ахинею? Он принимает меня за дурочку, которую легко обмануть. Считает, что у женщин – куриные мозги.

– Вы когда-нибудь говорили ему, что равнодушны к доктору?

– Нет, конечно. Я не полная идиотка, чтобы одному мужчине говорить о другом. Олег сам заподозрил... Он бывает довольно проникательным. У него интуиция развита, как у собаки. Он нюхом чует!

– Нельзя вести бизнес без интуиции и проникательности, – сказала Глория. – Любая коммерция требует «нюха». Это скорее достоинство, чем недостаток.

– Я понимаю... но есть же предел...

Сима выдохлась и замолчала, глотая холодный чай. Стрелки часов приближались к полудню.

– Все-таки что говорил ваш приятель об Оленине?

– Я ему не верю...

– Речь шла о вашей жизни?

– Не совсем. Хотя вы правы... Олег считает, что я должна немедленно уволиться, потому что доктор... якобы убивает своих ассистенток, – выдавила девушка. – Это же абсурд! Юрий Павлович на такое не способен. Он же врач! Давал клятву Гиппократу... и вообще... он хороший человек. Называть его убийцей без всяких доказательств, без оснований... можно только из зависти.

– Олег ему завидует?

– Он ненавидит Юрия Павловича, потому что тот... умнее его, выше, благороднее...

– И еще потому, что вы отдаете доктору предпочтение.

– Сердцу не прикажешь... – с вызовом произнесла Сима. – Я не виновата, что Юрий Павлович мне нравится. Олег все врет! От злости.

– Как вы нашли эту работу?

– У Оленина? Очень просто... по объявлению. У нас в медучилище висела доска с предложением вакансий. Знаете, люди сиделок ищут для больных или престарелых родственников, и няnek с медицинским образованием к детишкам берут охотно. Некоторые студентки учатся и подрабатывают. А многие после окончания не собираются идти в больницы на мизерную зарплату, ищут место получше. Сиделка получает неплохо, но ухаживать за лежащим больным или капризным стариком не каждый согласится. Поэтому я обрадовалась, когда прочитала, что психоаналитик ищет помощницу в офис.

– Были еще желающие, кроме вас?

– Я увидела, что заявление свежее, и оборвала его, – призналась девушка. – Чтобы никто не составил мне конкуренции. Позвонила. Оказалось, работать надо целый день, с утра до вечера. Тому, кто учится на стационаре, такой распорядок не подходит.

– А вам подошел?

– Я уже закончила учебу, приходила специально поглядеть на доску объявлений. Искала работу. Мне повезло. Оленин пригласил меня на собеседование... он сразу произвел на меня впечатление – красивый, уверенный в себе мужчина. Не то что наши мальчишки-фельдшеры. Другой уровень. Я жутко переживала, что он мне откажет. Но он взял меня на испытательный срок. Я просто на крыльях летела домой, сказала маме... она тоже обрадовалась.

– У доктора были ассистентки до вас?

– Конечно, были, – кивнула Сима. – Он их уволил за нерадивость. Поэтому я стараюсь работать хорошо. Он очень требовательный! Придирается к каждой мелочи, постоянно делает замечания. Но я терплю.

– Ваш испытательный срок уже прошел?

– Давно...

– Значит, вы официально приняты ассистенткой Оленина?

– Ну да...

– А с теми, которые работали у него до вас, приходилось общаться?

– Нет. Последнюю я не застала. Она уже не работала, когда я пришла на собеседование. Я даже фамилий их не знаю. Зачем мне? Неужели вы допускаете, что доктор мог кого-то убить? Он не преступник... а женщины ему и без того на шею вешаются...

Глория слушала рассеянно, думая о своем. Картина мертвого девичьего тела с веревкой на шее не шла у нее из головы.

– Он не мог! – восклицала Сима. – Юрий Павлович не убийца! Правда же?

– Я скажу только одно. Вам угрожает опасность, барышня. Не следует пренебрегать *знаками*, которые дает вам судьба.

– Что это за знаки?

– Хотя бы предупреждение вашего приятеля Олега.

– Вы полагаете...

– Советую вам прислушаться к его словам, – перебила Глория. – Ваш кумир доктор Оленин не совсем тот, кем вы его сделали в своем воображении. Он... не из тех, кто мечтает о семейном очаге.

– Я соответствую его вкусу? – с жадным интересом спросила Сима.

Глория не могла остановиться. Мысли зарождались в ее уме как бы сами собой, складывались в слова и фразы, а ей оставалось только донести их до посетительницы. Неужели это и есть... *ясновидение*?

– Ему нравятся худышки... рослые и плоские.

– Я похудею! – убежденно произнесла Сима. – Сяду на диету, начну бегать по утрам...

Она спохватилась, вспомнила, что и без утренних пробежек едва успевает вовремя приходить на работу. Из-за страха опоздать ей приходится краситься уже в приемной... что вызывает справедливый гнев доктора.

Глория с сожалением вздохнула.

– Вы и так не страдаете полнотой, – заметила она. – Хотите анорексию⁹ заработать?

– Значит, у меня нет шансов?

– Вам лучше подыскать себе другое место работы...

Глория чудом успела прикусить язык и не ляпнуть: «Хотя вас это вряд ли спасет!» Почему у нее возникло ощущение назревающей трагедии? Правильно ли будет с ее стороны умолчать об этом? Но ведь она пока понятия не имеет, откуда надвигается опасность...

Сима поникла и совсем расклеилась. Мысль о том, чтобы уйти от Оленина, ужасно огорчила ее.

⁹ Анорексия – нервное заболевание, характеризующееся отказом от пищи, потерей веса и чрезмерным страхом полноты.

– А как же приворотное зелье? Вы мне не дадите его?

– «Зелья» точно не дам.

– Тогда сделайте, чтобы я разлюбила доктора! – взмолилась девушка. – Выходит, мне нельзя оставаться с ним... и жить я без него не могу.

Она всплакнула. Но ее слезы не растрогали Глорию.

– Но он же не убийца? – всхлипывала Сима. – Скажите, что это не он! Олег врет... он добился своего! Я боюсь... Как мне теперь быть?

Глория промолчала. От нее требовали невозможного. Обвинять кого-либо в страшном преступлении, равно как и оправдывать, она не решалась. Ее видения были недостаточно четкими и однозначными, чтобы без колебаний руководствоваться ими. Тем более давать советы на их основе. Ее удел – предостерегать, а не вершить суд или ломать чужую жизнь. Таких полномочий ей никто не давал.

«Верно, – кивал карлик, сидя в уголке дивана и болтая короткими ножками. Его безупречное, прекрасное лицо принца не омрачили слезы одной барышни и мучительные раздумья другой. – Не вмешивайся в ход событий, пока не пришло время. Всему свой черед...»

– Когда мы встретимся еще раз? – спросила Сима, кладя на стол конверт с деньгами. – Вы обещали разгадать смысл записи на диске.

– Да-да... давайте телефон, я пришлю к вам помощника...

Глава 8

Глория не нуждалась в оплате своих услуг – компания мужа приносила достаточный для безбедной жизни доход. Вдова как владелица половины акций получала приличные дивиденды. Однако она не решалась нарушить порядок, заведенный Агафоном. На том же настаивал и Санта.

«Не мы эти правила установили, не нам их и отменять, – глубокомысленно заявил слуга. – Хозяин будет недоволен!»

Недовольство покойного хозяина дома показалось Глории веским аргументом. В конце концов, не она назначала цену – люди сами определяли, сколько стоит ее совет или мнение. Называть свои высказывания *предвидением* она считала преждевременным. Сначала следовало на опыте убедиться, что ее «озарения» имеют под собой реальную почву и хотя бы частично оправдываются.

Карлик, покинув этот мир, каким-то непостижимым образом продолжал находиться рядом, в некоем виртуальном виде, и давать Глории подсказки – когда ему заблагорассудится. Порой он посмеивался над ней, порой дразнил или сохранял мрачную невозмутимость. Но она постоянно ощущала его присутствие, даже не видя и не слыша. Сначала это ее пугало, потом она привыкла, и ей стало не хватать Агафона – или его призрака, – это уж как кому угодно понимать.

После ухода Серафимы она долго стояла у окна, провожая взглядом отъезжающий автомобиль. Водитель, который привез девушку, не рискнул выйти во двор и целый час просидел в машине, ожидая свою пассажирку. Глория догадалась, что ему не понравилось место, сам дом и тем более его обитатели.

Окраина деревни в самом деле выглядела угрюмо. Над черным лесом плыли тучи, по обочинам лежал грязный снег... дорога петляла между заколоченных изб и одичавших голых садов. Над заброшенными огородами кружило воронье.

Унылый пейзаж, как ни странно, не наводил на Глорию тоску. Это была печальная российская глушь, воспетая на полотнах Саврасова и Левитана...

Именно в таких забытых богом уголках и положено обитать троллям¹⁰ и ведуньям. Стало быть, теперь и она попала в их число.

– Санта! – позвала она великана. – Ты предлагал водителю девушки пройти в дом?

– Конечно, – важно кивнул тот. – Мне известны законы гостеприимства. Я его пирожками хотел угостить, звал чаю выпить. Но парень наотрез отказался. Струхнул малость! Косился на меня, будто я лешак или оборотень какой.

– Может, ты и вправду оборотень?

– Скажете тоже, Глория Артуровна... – расплылся в довольной улыбке Санта.

Видно было, что подозрения незнакомого водителя ничуть не обидели его, скорее польстили...

– Надо бы Лаврова вызвать из города, – сказала Глория за обедом. – Сотовая связь есть?

– Никак нет, – по-военному ответил слуга. – Вышка больно далеко. Я думал, когда поставят вышку в районе, я себе новый мобильник куплю. Не берет у нас.

Глория отказалась от спутникового телефона и не жалела об этом. Будут трезвонить, покоя не дадут. А Лаврова она и без телефона вызовет. Телепатически...

¹⁰ Троль – в скандинавской мифологии сверхъестественное существо: карлик, великан, волшебник, ведьма. Надо на пригорок шагать, в сосняк. Там соединяет, и то не всегда. Только раскисло все... в резиновых сапогах и то не пройдешь.

Эта мысль развеселила ее. Она неоднократно пыталась проверить, обладает ли способностью общаться с другим человеком на расстоянии без помощи технических средств связи. Но пока делать выводы было рано.

Так или иначе, Глория взялась за дело. Представила себе Лаврова и попробовала внушить ему, чтобы он приехал в Черный Лог... сегодня или завтра.

– Сегодня или завтра... – повторила она вслух.

– Что? – не понял великан.

– Не обращай внимания, – отмахнулась она. – Ты в музыке разбираешься?

– Я рок люблю...

Его признание удивило Глорию. Она полагала, что Санта увлекается народными песнями. До ясновидящей ей пока далеко.

– Хотите послушать, Глория Артуровна? У меня полно кассет.

– Нет уж, уволь...

Она перебила себе аппетит пирожками и с трудом съела пару ложек супа. Второе блюдо Санта унес в кухню нетронутым.

– Хозяин тоже периодически голодал, – заметил слуга. – Он говорил, что без еды у него очищается сознание.

Глория оставила его реплику без комментариев. Пирожки, блинчики, кулебяки и прочие кулинарные изыски Санты уже сказались на ее фигуре. Брюки она едва застегивала. Если так пойдет и дальше, придется обновлять гардероб.

После обеда Глория спустилась в мастерскую. Грозный бронзовый Цербер о трех головах встретил ее злобным взглядом красных камешков-глаз. Страж подземного царства явно был не в духе.

Глория показала ему язык и уселась за компьютер. Здесь, внизу, стояла отличная машина с большим монитором, снабженная всевозможными программами. Соседство медных кувшинов, песочных часов и прочих атрибутов древности с современными предметами делало мастерскую похожей на кабинет собирателя антиквариата.

Глория запустила диск, спиной ощущая, что за ней наблюдают. Находясь в мастерской, она практически всегда чувствовала себя скованно. Диван, на котором умер Агафон, перестал быть местом отдыха и превратился в какой-то музейный экспонат. Глядя на него, Глория вспоминала страшные и горькие минуты, которые ей пришлось пережить...

Танец восточной красавицы дышал неприкрытой эротикой и «ядовитым очарованием». Если это любительская хореография, то довольно талантливая. В любом случае Айгюль, как называла танцовщицу ассистентка доктора, без сомнения, обучалась танцам. Без подготовки так не подвигаешься.

При повторном просмотре Глория обратила внимание на детали. Женщина снимала свои покрывала, постепенно обнажаясь перед зрителем... Покрывал было семь. Финальная поза танцовщицы поражала эффектом скульптуры, изяществом статуэтки.

В этом танце сквозила смертельная угроза, жажда мстительного наслаждения... чудовищный замысел, выраженный посредством красоты... гибельный экстаз, увлекающий за пределы возможного...

Это не было стриптизом в том понимании, к которому все привыкли. Это было нечто другое, на несколько порядков выше и ужаснее. Здесь возводилось в культ удовольствие на грани жизни и смерти, когда стирается различие между оргазмом и переходом в небытие...

Стихли последние звуки музыкального сопровождения, а Глория все еще не могла стряхнуть зловещий гипнотизм танца.

Должно быть, Сима права: пациентка, одержимая страстью к своему психоаналитику, решила таким способом соблазнить его. В принципе она все верно рассчитала. Танцевать прямо на сеансе – тем более раздеваться – ей никто бы не позволил, а запись на диске Оленин

просмотрел бы в любом случае. Сначала из врачебного долга, потом... из невозможности оторваться от потрясающего зрелища. Он же мужчина, со всеми мужскими достоинствами и слабостями.

А там, глядишь, дрогнет сердце закаленного специальными тренингами доктора, западет в душу образ смертоносной красавицы...

– Почему *смертоносной*? – вырвалось у Глории.

Она частенько не могла объяснить природу собственных мыслей и догадок. А карлик не торопился с подсказками. Он как будто вел ее за собой вброд по реке... и в месте, где бурлил водоворот, вдруг бросал на произвол судьбы...

Москва

В полутемном зале ночного клуба гремела музыка. Карташин подошел к бармену и сказал на ухо:

– Этому больше не наливать...

Бармен не расслышал. Назойливый ритм, под который дергались танцующие, отдавался в голове бухающими ударами. Зеркальные огни мигали, мельтешили по потолку и стенам.

– Чувак пьян в стельку! – повысил голос Олег. – Сам будешь с ним возиться!

Бармен кивнул. Он сообразил, о чем просит его начальник. Не наливать больше парню, который уже лыка не вяжет. А то потом свалится на стойку, таскай его на себе... машину вызывай, отправляй домой за счет заведения. Карташин печется о репутации клуба, не хочет неприятностей с полицией и родителями «золотой молодежи». Правда, «Пони» пока не дотягивает до «высшей лиги», но у босса большие амбиции.

Бармен отрицательно покачал головой в ответ на мычание парня, которое означало «налей мне еще!».

– Ну ты че... – разозлился тот. – Не борзей... Я п-плачу!

Бармен вернул ему обратно смятую купюру и отвернулся к своим бутылкам. Две девушки заказали коктейль «Звезда прерий». Он должен их обслужить...

Карташин тем временем вернулся за служебный столик, где его ждал приятель. Официант принес им коньяк, нарезанный ломтиками лимон и бутерброды.

– Ни черта сами не смыслят, – выругался Карташин, разливая коньяк. – Каждому подойди, скажи... Где толковый персонал набрать? Не подскажешь, Моха?

Приятель криво усмехался, пил не закусывая. Он без огонька косился на девчонок, модно одетых, тонких, как бамбуковая поросль. В темноте и бегающих бликах света они все казались хорошенькими.

– А моей Мариши нет, – с горечью выдохнул Моха. – И не будет. Никогда не будет! Ты понял? Ни-ког-да...

– Давай за нее, – предложил Карташин. – Чтоб земля пухом...

Они выпили.

– Должен я отомстить или не должен? – с надрывом вопрошал Моха. – Ты скажи, братан...

– Сима, дуреха, меня не слушает, – пожаловался ему Карташин. – Молится на этого врачишку, блин, как на Бога! А меня побоку.

– Почему она? Почему Мариша?

Они говорили не друг с другом, а каждый о своем, наболевшем.

– Может, нам его приговорить? – предложил Моха. – Вывезти в лес и... того? Замочить? Без суда и следствия...

– Чтобы потом на нарах париться? Я только бизнес налаживаю, Моха. В люди выбиваться начал. Тачку новую купить хочу. Жениться.

– На Симке, что ли?

– На ней.

– Я тоже на Марише жениться хотел... а вышло по-другому. Убийца на свободе гуляет, а она в земле... спит вечным сном... И никаких концов, братан! Спецы руками разводят. Я им денег давал... а они одно твердят: нет улик, нет доказательств. Нельзя, мол, уважаемого человека огульно обвинять! Это он – уважаемый человек? А мы с Маришей кто? Быдло?

Владимир Мохов, которого друзья и знакомые прозвали Мохой, взревел и стукнул кулаком по столу.

– Тише ты, успокойся, – сказал Карташин. – Посуду бить не надо. Маришу твою не вернуть... А ты уверен, что это он ее?

– Он! Больше некому... Та девчонка, что до Мариши у него работала... тоже... пропала без вести...

– Пропала – еще не значит, что убита. Тела-то не нашли...

– Думаешь, ее искали? Потыкались, помыкались и списали в архив. Нет тела – нет дела.

– Знаешь, сколько людей каждый год пропадает только по Москве? Мой одноклассник в спецотделе служит, такие страсти рассказывает...

– Я себе верю! – Моха постучал кулаком в грудь. – Я чувю, что он это! Кто с психами общается, сам в психа превращается... слышал поговорку?

Он плеснул в бокал изрядную порцию коньяка и выпил двумя глотками.

– Надо же, блин... чтобы Серафима к нему попала! – с сердцем вымолвил Карташин. – Вот повезло так повезло.

– Забирай ее оттуда, иначе...

Приятель запрокинул голову и провел краем ладони по горлу.

– Как забрать? Она меня, блин, слушать не хочет.

– Видел, какие бабы к этому врачешке шастают? – закатил глаза Моха. – Как пчелы на мед слетаются. И че они в нем находят? Мужик и мужик... Морда наглая, весь из себя... А мы че, хуже?

Мохов стремительно пьянел. Коньяк, которого он напился на голодный желудок, давал о себе знать. Хмель ударил в голову, помутил рассудок.

– Мочить его надо... по-другому никак...

– Хватит тебе, – уговаривал приятеля Олег. – Заладил, мочить да мочить... Тут помному надо!

Моха его не слушал. Он совсем осоловел и клевал носом, забыв и о Марише, и о своих угрозах. Карташин подозвал официанта.

– Развезло? – спросил тот, убирая со стола. – Охрану позвать?

– Я сам его отвезу. Поможешь до машины дотащить?

– Сей момент...

Через пару минут официант вернулся, они вдвоем с боссом подхватили пьяного под руки и вывели во двор, на парковку.

– Давай его сюда... на заднее сиденье... – скомандовал Олег. – Все, спасибо... Свободен.

В свете круглых фонарей было видно, как паренек, съездившись от холода, бежит назад, к черному ходу.

К ночи похолодало. Дул ветер, косо летел мелкий ледяной дождь. Бродячая собака свернулась клубочком на люке, от которого шел пар. Олег чертыхнулся и завел двигатель, оглядываясь на спящего Моху. Сильно тот запал на Маринку, души в ней не чаял... на похо-

ронах плакал, не стыдясь, клялся уложить в землю того, кто убил его девушку. Потом квасил беспробудно неделю...

Тогда Олегу и в голову не могло прийти, что он попадет в похожую ситуацию. Вернее, что его Сима будет работать у того же Оленина. Собственно, он тогда про Симу не вспоминал. Голенастая конопатая дылда, которую он дразнил в детстве «жирой», была не в его вкусе. Кто же ожидал, что из нее вырастет такая принцесса? Олег глазам не поверил, увидев ее в клубе. Подумал – обознался. Подошел, заговорил, – ей-богу, она! Будто переродилась: расцвела, похорошела. Только веснушки те же. Но теперь даже они Симе к лицу.

Олег не сразу сообразил, что влюбился. Когда начал слишком часто ловить себя на мыслях о ней, предложил встречаться. Сима не отказала, но и не ответила согласием. Они продолжали изредка проводить вечера вместе – гуляли, танцевали, Карташин угощал девушку выпивкой, дарил разные мелочи. Он ломал голову, почему Сима «тормозит».

«У тебя есть парень?» – напрямик спросил он.

Ответ Симы его обнадежил. Она сказала, что пока не готова к серьезным отношениям. В ее словах и выражении лица сквозило лукавство. Она кокетничала. В ее возрасте девушки уже охотно выскакивают замуж, а Сима как будто не стремится к этому. Собирается учиться на врача, хочет поступать. Олег ничего не имел против. Пусть учится – он поможет. С детьми можно не торопиться, зарабатывает он достаточно: хватит и на жизнь, и на учебу.

Карташин не был красавцем, но и уродом себя не считал. Хоть без диплома, зато при деньгах. Не алкаш, травку не покуривает, с криминалом завязал. Чем он Симе не подходит? Задаваясь этим вопросом, он невольно начал наводить справки... наблюдать за ней. Как живет, чем дышит...

Оказалось – весь прикол в докторе, у которого она работала ассистенткой. Чуть подсказало Карташину, что Сима попала под влияние более зрелого мужчины, к тому же босса. Он предложил девушке перейти в его клуб официанткой. Он взял бы ее под свое крыло, дал хорошую зарплату. Сима решительно отказалась. Ей, видите ли, необходимо трудиться по специальности. Она же не зря оканчивала медучилище?

Карташин проглотил отказ. Соперничать с доктором казалось оскорбительным. Он поделился проблемой с давним приятелем, Вовкой Моховым. Тот просветил его насчет Оленина: порассказал такое!..

Задумавшись, Олег чуть не проехал поворот к автомастерской Мохова. Тот разругался с матерью и переселился в свой рабочий кабинет. Окна мастерской светились. Ребята пахали круглосуточно. Брали за срочность приличную надбавку, но заказов не убывало.

Карташин позвонил автомеханику, тот вышел, взвалил на себя Моху и потащил. Стрелки часов приближались к полуночи. Карташин сидел в машине, глядя на зыбкую пелену дождя, и думал о Марише. Он мало знал погибшую девушку. Мох подозревал доктора в убийстве Мариши, однако его мнение осталось при нем...

Мохов не был близким другом Олега – так, встречались от случая к случаю. На похороны Мариши Карташин пошел из чувства солидарности. Он помнил проклятия и угрозы, расточаемые на кладбище несостоявшимся женихом, жалел Моху... выражал соболезнования. Но ему и в страшном сне не могло присниться, что это каким-то образом коснется его самого...

Глава 9

Телепатию Глория, видимо, в должной степени не освоила. Вызвать Лаврова в Черный Лог не удалось. Поэтому ей пришлось самой ехать в Москву.

Санта был счастлив, что появился повод развезаться и покататься на «Аутландере». Он обожал ездить за рулем. «Тойоту» Глории оставили в гараже, решили воспользоваться внедорожником.

«Застрянем же на проселке, – убеждал ее великан. – В распутицу на „Тойоте“ дальше ста метров не проедем. За околицей такие колдобины...»

Уговорил. Глория давно не садилась за руль, соскучилась. Однако слуга прав, лучше не рисковать. По дороге она пыталась дозвониться матери. Связи не было. Из-под колес «Аутландера» летела жидкая грязь. Наконец добрались до шоссе, и на дисплее сотового высветилась антенна.

– Мам! – обрадовалась Глория. – Привет! Я заеду... Что? Спите еще? Ничего себе... Выходной? Ой, прости...

В деревне дни были похожи один на другой, а в календарь Глория без нужды не заглядывала. Ей что будни, что выходные – все одно.

– Сегодня суббота, – обернулся Санта. – Я забыл сказать.

Родители Глории работали инженерами и ни за что не соглашались уйти из проектного института. «Если твой бизнес лопнет, на что мы будем жить? – твердил отец. – Нам на пенсию скоро. Мы на чужой шее сидеть не привыкли».

– Мам, я разбудила? – огорчилась Глория.

– Ты правда заедешь? – встрепенулась та. – Мы соскучились.

С тех пор как Глория вышла замуж, она редко общалась с родителями. У них были разные интересы, разные взгляды на жизнь. А после гибели Анатолия она совершенно отдалась от отца и матери. Те перестали ее понимать... Она не то чтобы обиделась, просто не хотела раздражать их своими «выходками». Ее переезд в Черный Лог родители восприняли как причуду богатой эгоистки, которой наплевать на окружающих.

«Нас совсем бросаешь?» – с упреком сказал отец.

«Нет. Только на время, – оправдывалась Глория. – Не могу оставаться в квартире, где мы жили с Толиком».

«Не тронь ее, Артур, – вступилась мама. – Пусть поступает, как душа велит. Она всегда была непокорной!»

– Буду у вас через пару часов, позавтракаем вместе, – пообещала она матери. – Сначала заскочу к себе на Шаболовку, проверю квартиру. Отдам консьержке все вазоны. Пусть забирает. Ей, наверное, надоело их поливать.

– Значит, ты не собираешься возвращаться в Москву?

– Пока нет... Мам, ты давно видела Потехина? Он так и преподает танцы?

– У него своя школа, – с гордостью сообщила мама. – Наконец Саша осуществил свою мечту. Открыл собственную хореографическую студию. Он забегал к нам на Рождество, похвастался успехами. Кстати, спрашивал о тебе. Визитку оставил. А что?

– Хочу с ним поговорить. Может, займусь танцами.

– Ты? – удивилась мама.

– Я имею в виду, не помочь ли ему деньгами, – спохватилась Глория. – Ладно, приеду – обсудим...

Александр Потехин был старинным другом их семьи. Он руководил то одним танцевальным коллективом, то другим и всегда давал Глории приглашения на свои концерты. Теперь она надеялась получить у него консультацию...

Семейный обед прошел чинно, с традиционными мамиными пельменями и неспешной беседой. Глория отвечала невпопад, думая о своем. Отец вышел из-за стола первым, отправился на субботнюю прогулку в парк. Этой привычке он не изменял, сколько Глория себя помнила. Когда она была ребенком, он часто брал ее с собой. Мама предпочитала проводить выходной за книгами.

– У тебя *там* есть библиотека? – поинтересовалась она. Там – значит, в деревне, где дочь решила затвориться от мира. Родители были горожанами до мозга костей, интеллигентами и материалистами. Глория даже вообразить не могла, что бы они сказали, побывав хоть раз в ее новом доме. А признайся она, чем занимается, ей пришлось бы вызывать отца и матери «скорую».

Так что необъявленный бойкот родителей ее загородному жилищу вполне Глорию устраивал. Она к себе не приглашала, а они не напрашивались. Все сложилось к обоюдному согласию.

– У меня полно книг, – не кривя душой, ответила Глория. – Несколько шкафов набиты битком.

– Все-таки мы сумели привить тебе любовь к литературе, – удовлетворенно вздохнула мать. – Что ты сейчас читаешь?

И снова Глория сказала чистую правду:

– «Тысячу и одну ночь»...

– Сказки?

Мама, при всей ее деликатности, не смогла скрыть разочарования. Они еще немного поболтали об общих знакомых.

На прощание Глория попросила визитку Потехина.

– Ах, да! Чуть не забыла... – всполошилась мама. – Саша будет рад любой помощи. Он живет этим своим проектом. Ты бы его видела! Помолодел лет на пять, глаза горят. Ну, давай...

Она обняла дочь и ткнулась ей в щеку сухими губами. Надо отметить, родители ни слова не проронили про Анатолия, не допекали дочь своим сочувствием и не досаждали намеками на новое замужество. Она была им безмерно благодарна за это.

На улицах пахло весной. Солнце высушило тротуары, на черных деревьях сидели галки. В стоках журчала талая вода.

Глория уселась в машину и назвала Санте адрес хореографической студии «Арабеск». Название не оригинальное, зато ее основатель – крепкий профессионал.

– Ты знаешь, где это?

– Найдем...

* * *

Потехин не ожидал визита, но искренне обрадовался.

– У меня теперь два зала, – расхваливал он студию. – Большой и малый, для детишек. И раздевалка, и душевая, и...

Не переставая говорить, он проводил Глорию в комнату отдыха, которая одновременно служила ему кабинетом. Помещение разделяла перегородка из пластика, все было завалено коробками и разобранной мебелью.

– Мы тут ремонт затеяли... А ты какими судьбами здесь? – наконец спросил он.

– Да вот... хочу поучаствовать в благом начинании. Оказать спонсорскую помощь.

– Не откажусь, – без смущения заявил Александр Иванович. – У меня каждый рубль на счету.

Глория улыбнулась и протянула ему чек. Потехин увидел сумму, рассыпался в благодарностях.

– Бизнес к тебе перешел... после смерти мужа?

– Половина, – кивнула она.

– Справляешься?

– Потихоньку. Компанией руководит партнер Толика. А я так, сбоку припека.

– Ты извини, может, я зря про твоего мужа ляпнул...

– Все нормально. Уже перегорело и остыло. Я к вам по делу, Александр Иванович.

Потехин внимательно посмотрел на нее и угомонился, опустился на стул, перевел дух.

– Хочешь кого-нибудь устроить ко мне в студию?

– Нет... совсем по другому вопросу. У вас компьютер есть?

– Еще не распаковали. – Он сделал неопределенный жест в сторону коробок. – Там где-то. Теперь без компьютера как без рук.

– Ясно... Вы сможете уделить мне полчаса?

– Тебе? Сколько угодно. Чай, кофе не предлагаю, – все в пыли, чашки тоже где-то в коробках.

– Меня мама накормила своими пельменями, – сказала Глория.

– Тогда перейдем к делу?

Она позвонила Санте и попросила принести из машины ноутбук.

– Это кто же такой? – изумился Потехин, когда великан удалился. – Ну и типаж! Настоящий Дед Мороз...

– Мой водитель.

– А зачем компьютер? Я же сказал, у меня есть.

– Хочу вам один танец показать, – объяснила Глория. – Прямо сейчас.

– В записи, что ли?

Потехин освободил на столе место для ноутбука, и Глория запустила диск. Александр Иванович молча смотрел на экран. Мама была права, он превосходно выглядел, несмотря на хлопоты. Седины мало, фигура жилистая, подтянутая, над верхней губой тонкая полоска усов. Одет как щеголь: пестрый пуловер, шейный платок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.